

Вадим Проскурин

Приключенческая
Фантастика

ПУТЬ
ФЕНИКСА

Annotation

Давным — давно существовала Земля Изначальная, от которой сохранились только легенды и упоминания о мифических животных, таких как: жираф, хамелеон, обезьяна. Да еще — древние артефакты: боевые роботы, бластеры и «очки» с биодетектором. И остались боги — Шива, Иегова, Джизес Крайст... И все потому, что случилось «бэпэ». На месте прежних государств возникли новые: Барнард, населенный людьми, Эльфланд — владения эльфов, и Оркланд — территория орков...

Орки туповаты, их пасут специально обученные люди, но во всяком стаде найдется паршивая овца. Серый Суслик был не таким, как его сородичи, но очень умело притворялся. До поры до времени. Ведь ему, орку — полукровке, выпала особая судьба. Она оказалась крепко — накрепко связанной с легендарным Резвым Фениксом, или Джулиусом Каэссаром — величайшим правителем Барнарда. Но до развязки еще далеко. Впереди у Серого Суслика долгая дорога, которая лежит через зловещее Плохое Место, битком набитое артефактами древней цивилизации.

Вадим Проскурин
Путь феникса

Глава 1

Орки

Серый Суслик натянул поводья. Лошадь остановилась как вкопанная и всхрапнула, протестуя против такого обращения.

— Прости, животное, — пробормотал Серый Суслик.

Два Воробья, ехавший следом, в это время любовался видом с обрыва на широкий Нюрейн, несущий свои воды от Дырявых Гор к Латинскому Океану. Поскольку Два Воробья отвлекся, он слишком поздно заметил, что Серый Суслик остановил лошадь. Лошадь, на которой ехал Два Воробья, прынула в сторону и издала короткое ржание, дескать, заранее предупреждать надо.

— Что случилось? — спросил Два Воробья.

Его беспокоило в основном то, не заметил ли старший товарищ оплошности юного напарника. Но старшего товарища беспокоило совсем другое.

— Эльфы, — сказал он, указывая пальцем вниз.

— Где?! — изумился Два Воробья.

Несколько секунд он напряженно размышлял. Никаких эльфов не видно, но... Пожалуй, стоит извлечь лук из футляра, притороченного к седлу, и наложить на лук тисовую стрелу из колчана. Просто на всякий случай.

Лук не вытаскивался. Два Воробья дернул раз, другой и вдруг заметил, что в руках Серого Суслика нет никакого оружия. Значит, близкой опасности тоже нет. Два Воробья убрал руки от лука, подумал, куда их деть, и решил сложить на груди. Поза получилась глупая, пристойная старому опытному следопыту, вроде Серого Суслика, но не мальчику, который только учится искусству разведки. Два Воробья смутился, посмотрел на учителя, встретил его иронический взгляд и опустил глаза, смутившись еще больше.

— Тетиву в паз не вставил, — сказал Серый Суслик.

Два Воробья потянулся к тетиве, но Серый Суслик сказал:

— Не суетись, потом исправишь. Лучше смотри и учись.

— Я не умею учиться, — пробормотал Два Воробья.

Серый Суслик вздохнул.

— Смотри вперед и вниз, — велел он. — Вон туда, два поприща до оврага. Видишь что-нибудь необычное?

— Ничего, — ответил Два Воробья.

Серый Суслик вздохнул еще раз и спросил:

— И следов не видишь?

— Следы вижу, — ответил Два Воробья. — Много орков перешли реку вброд. Пешие, не на лошадях.

— Ну? — спросил Серый Суслик.

Два Воробья почувствовал злость. Он очень любил и уважал Серого Суслика, но ненавидел его привычку разговаривать подобно человеку. Эту привычку не любили почти все в стаде, кое-кто даже говорил вполголоса, что Серый Суслик — не орк, а полукровка. Несколько урожаев тому назад эти слухи дошли до ушей доброго господина Роджера Стентона, тот призвал Серого Суслика к себе и долго беседовал с ним, а затем велел его выпороть. После этого случая все поняли, что Серый Суслик — не полукровка, а чистокровный орк. Потому что если бы он был полукровкой, добрый господин Роджер

Стентон приказал бы не выпороть его, а казнить.

— Чего нукаешь, учитель? — огрызнулся Два Воробья. — Орки здесь прошли. Пешие. Много орков. Чего нукать-то?

Серый Суслик вздохнул в третий раз.

— Поехали, — сказал он. И добавил после паузы: — Когда подъедем к спуску, спустишься вниз и осмотришь вон то кривое дерево. Боги мне подсказывают, что ты найдешь на его ветке обрывок эльфийского шелка.

Они подъехали к спуску, Два Воробья спешился и стал спускаться. Спускался он гораздо ловчее, чем размышлял. Серый Суслик вздохнул в четвертый раз.

Эльфы, значит. Развели, значит, брод, твари беложопые, сыновья Кали и Калоны, да проклянутся в веках их судьбы и да пожрут адские демоны их души в посмертии! До загона отсюда день пути, эльфам, стало быть, две ночи. Если они пойдут напрямик. А они вряд ли пойдут напрямик, откуда им знать, как устроена земля на левом берегу Нюрейна? Тем более что к северу от загона нет ни полей, ни пастбищ, эльфам придется идти наугад. Может, мимо пройдут? Нет, это вряд ли, это была бы совсем невероятная милость Никс Милосердной. Рано или поздно эльфы наткнутся на орочий след, и этот след приведет их к загону.

Было тепло, но Серого Суслика пробрал озноб, он поежился. Он плохо помнил прошлые эльфийские набеги, он тогда был совсем молод, намного моложе, чем Два Воробья сейчас. Только отдельные обрывочные образы сохранились в памяти Серого Суслика: оглушающие разрывы эльфийских гранат, свист невидимых в темноте летящих камней, крики и визги убиваемых самцов и самок. И детей тоже — эльфы не щадят никого. В последнем набеге они убили даже доброго господина Айзека Шелби, и тогда Черепаха Дома приказал все бросить и спасаться. Он перевел стадо вброд через Нюрейн на пустынные земли, а потом из стольного града Барнард — Сити приехал добрый господин Роджер Стентон, совсем молодой, только что из академии. Добрый господин Роджер Стентон сильно ругал Черепаху Дома, потому что тот нарушил закон, самовольно переселив стадо на неподобающие земли. Добрый господин сказал, что только грязному полукровке может прийти в голову такое беззаконие. Все думали, что добрый господин прикажет сжечь Черепаху Дома на костре, или посадить на кол, или замучить каким-то иным образом, но добрый господин всего лишь изрубил полукровку на куски своим сверкающим мечом, а Розовую Примулу, мать Черепахи Дома, даже не убил. И тогда все поняли, что добрый господин Роджер Стентон на самом деле не посчитал Черепаху Дома полукровкой, а просто выместил на нем свой гнев. Хотя Серый Суслик твердо знал, что Черепаха Дома — не чистокровный орк. Серый Суслик очень хорошо знал, кто такие полукровки. Он сам был таким.

Иегова сотворил небо, землю и воду, а потом ростки черные и ростки зеленые, и зверей, и птиц, и гадов степных, и гадов эльфийских, в самом конце сотворил людей, а также орков, неотличимых от людей по внешности. И наделил он людей волей и разумом в полную меру, а орков — только на четверть. И повелел Иегова носить оркам на челах и ланитах (то есть на лбах и щеках) оттиск зеленой жабы, чтобы каждому встречному было ведомо, кого он видит, и чтобы никто не обращался к человеку как к орку, а к орку — как к человеку. И повелел Иегова хранить людскую кровь в чистоте, и запретил орчанкам рожать от человеческих мужчин. Человечьим женщинам рожать от орков Иегова не запрещал, потому что понимал в своем всеведении, что ни одна человечесиха не позволит такого презренному, будь она в своем человечестве хоть самой последней старухой.

Познавать людям орочьих женщин Иегова не запрещал, равно как не запрещал оркам

познавать коз и больших собак. Под запретом лишь рождение полукровок, и запрет этот наистрожайший, за его нарушение наказание одно — смерть, причем жестокая. Но встречаются среди орчанок отчаянные особы, что находят способы нарушить правила предохранения и забеременеть от человека. Мать Серого Суслика была одной из таких.

Она никогда не говорила сыну об этом, Серый Суслик узнал о своей породе не от нее, а от Черепахи Дома. Однажды случилось так, что маленький мальчик остался наедине с почтенным полубоссом, и Черепаха Дома сказал:

— Я замечаю, Серый Суслик, что ты говоришь как человек.

Серый Суслик обрадовался и воскликнул:

— Спасибо, полубосс, за похвалу! А я еще думаю как человек! Я очень умный!

Черепаха Дома нахмурился и отвесил мальчику подзатыльник. А потом положил Серого Суслика себе на колени лицом вниз и двенадцать раз ударил по заду своей тяжелой ладонью. Подождал, пока мальчик перестанет плакать, и сказал:

— Никогда больше так не говори. Потому что твоя мать — орчанка, а ты сам — либо орк, либо мертвец. Выбирай.

Серый Суслик не стал долго думать, а сразу сказал:

— Я выбираю быть орком.

И снова получил подзатыльник.

— Что я сделал неправильно? — возмутился Серый Суслик. — За что ты ударил меня четырнадцать раз?

— Орки не говорят «четырнадцать», — сказал Черепаха Дома. — Орки говорят «много». А приняв важное решение, орк не должен оглашать его сразу. Говори медленно, Серый Суслик, и не произноси умных слов без крайней нужды.

Серый Суслик задумался и заплакал.

— Почему ты плачешь? — спросил Черепаха Дома.

— Я не смогу быть дураком, — ответил Серый Суслик. — Умные слова из меня так и прут.

— Я научу тебя быть дураком, — сказал Черепаха Дома. — Когда ты хочешь что-то сказать, построй слова в мысленную цепочку, окинь ее внутренним взглядом и упрости. Как раз должное время пройдет.

Серый Суслик задумался. А когда он закончил думать, он открыл рот, чтобы ответить, закрыл рот, построил слова в мысленную цепочку, упростил ее и сказал:

— Спасибо, полубосс.

Черепаха Дома расхохотался и хлопнул мальчика по плечу, но не больно, а совсем легонько.

— Не забывай моих слов, — сказал он и собрался уходить.

— Однако сейчас ты говорил как человек, — сказал Серый Суслик ему в спину.

— С тобой это было в последний раз, — ответил Черепаха Дома, не оборачиваясь.

— А с другими мальчиками? — спросил Серый Суслик.

— Пусть это будет тебе неведомо, — сказал Черепаха Дома и ушел.

Воспоминания Серого Суслика прервал Два Воробья. Он поднимался по склону, размахивая клочком белой материи.

— У тебя зоркие глаза, Серый Суслик, — сказал мальчик, приблизившись.

«У меня зоркий ум», — подумал Серый Суслик, а вслух произнес:

— Да.

И добавил:

— Садись на лошадь, поехали. Мы пойдем по следу пучеглазых, посмотрим, куда они направляются.

И еще раз вздохнул.

Беседуя с неразумными мальцами, такими, как Два Воробья, он мог позволить себе почти не скрывать свой разум. Но, к сожалению, только с ними и только почти.

— Кажися, близко загон-то, — сказал Топорище Пополам.

— Заткнись, — процедил Питер сквозь зубы.

Орк был прав, загон уже близко, десятидневный путь подходит к концу. Первые пять дней они путешествовали в дилижансе: люди — в комфортабельном купе, орки — в багажном отделении, на мешках с барахлом. Но на границе Оркланда проезжая дорога закончилась. На последней станции Питер реквизирует всех лошадей, какие нашлись, и их почти хватило, чтобы разместить груз. Лошади оказались куда лучше, чем Питер опасался, захромала только одна, позавчера ее зарезали. Шестой — восьмой дни путешествия прошли в относительном комфорте — днем они, конечно, тряслись в седле, но ночлег им предоставляли пастухи, и какой ночлег! Какие яства, какие зрелища, какие самки, в конце концов... Воистину восхитительно, какие чудеса творят три красные горизонтальные полосы, вытатуированные на лбу жреца. Четыре полосы, говорят, творят еще больше чудес, но Питеру пока хватает и того, что есть. Редко кому удается получить третью полосу в возрасте менее двенадцати тысяч дней, а Питер Пейн сумел ее получить, и помощь слепой богини Фортуны была в этом деле второстепенна, основным фактором стали личные заслуги. Первую полосу Питер получил, окончив с отличием семинарию, вторую — когда из первой же своей экспедиции в Северный Оркланд привез сразу четыре шлема грез. Десятая экспедиция принесла ему третью полосу. А теперь, если архивные документы не врут... Нет, четвертую полосу он сразу не получит, карьерная лестница устроена так, что чем выше ты взобрался, тем труднее подняться еще выше. Хотя кто знает...

— С дороги, быдло! — раздался впереди зычный орочий рывк.

Питер отвлекся от приятных мыслей, поднял взгляд и посмотрел вперед. Топорище Пополам орал на орчонка — пастушка, которого угораздило пересечь дорогу высокой процессии. Орчонок тоже что-то вопил в панике, он приказывал собакам, а собаки приказывали овцам, лаем и укусами направляя их в нужную сторону. Так устроена жизнь: собаки пасут скот, орки пасут собак, люди пасут орков. А жрецы присматривают за тем, чтобы пастьба проходила в соответствии с заветами испостасей Великого Духа, также называемых богами. А если говорить по — простому, без высоких словес, пастьба должна проходить так, чтобы пастухам наивысшего уровня доставалось как можно больше доступных жизненных благ. А у жрецов — пилигримов, к обществу которых принадлежит дьякон Питер Пейн, миссия особая — они расширяют сферу познания и тем самым удлиняют список жизненных благ, доступных в принципе. Каких-то сто тысяч дней тому назад во всем Барнарде наличествовало только три шлема грез. А теперь их не менее трех сотен, в нынешнюю эпоху олигарх без шлема грез — как воин без лошади. И шесть шлемов доставил в цивилизованные края лично дьякон Пейн. А из этой поездки он привезет нечто куда более ценное, если, конечно, на то будет воля Фортуны и Санта — Марии. Или если говорить по — простому: если Питер не облажается.

— Кажется, балаган показался, — подал голос Хайрам Честер, старший из двух рыцарей, сопровождающих отца Питера в походе.

Питер сощурил глаза и через некоторое время сказал:

— Да, похоже на то.

Он повеселел. Питер не боялся тягот и лишений походной жизни, но предпочитал

избегать их, когда есть такая возможность. Нет ничего ужасного в том, чтобы переночевать в чистом поле без ванны и самок, но не два же раза подряд! И одежду не мешало бы постирать еще раз. Может, устроить себе маленькие каникулы? Здесь, в Оркланде, не так комфортно, как на курортах Лазурного Берега, купаться можно только в грязных лужах, изысканных яств не найти, конопля отвратительного качества, а женщин заменяют жабоголовые орчанки. Но зато здесь самый занюханый пономарь чувствует себя верховным вождем, Самым Дорогим Господином.

В наше смутное время Оркланд — единственное место во Вселенной, до которого не успел еще дотянуться зловонный дух распада и разложения, когда каждый роет свое себе, и лучшие юноши воротят нос от жреческой службы, и направляют свои стопы к богомерзким торгашам — олигархам. А Самый Дорогой Господин, верховный вождь Морис Трисам, да познает его Калона обоими доступными способами одновременно, больше времени проводит в опиумных грезах, чем в реальном мире. Чем и пользуются олигархи, да познает их Калона теми же способами. Раньше, когда Питер был молод, жрецом мечтал стать каждый второй юноша, конкурс в семинарию доходил до двадцати человек на место, об ордене пилигримов слагали стихи. Питер тогда всерьез полагал, что близится предсказанный золотой век, что это случится уже при его жизни. Что близок час, когда древние артефакты снова станут служить людям, и низринется небесный огонь на богомерзкие эльфийские леса, и низвергнутся беложопые твари в преисподнюю, и настанет... Нет, не судный день, судный день — это аллегория, царство праведников настанет, парадиз на земле. И никто не уйдет обиженным.

Возможно, Питер не ошибался, возможно, он успеет застать парадиз на Земле. Все зависит от того, что именно Питер Пейн найдет в Плохом Месте. А также от того, сумеет ли он войти в Плохое Место, остаться живым и вынести в божий мир то, что найдет там.

Эльфы действовали вполне предсказуемо. Основная масса двинулась перпендикулярно реке, в глубь степей, разведчики рассыпались в стороны широким веером. Серый Суслик оценил численность врага примерно в сто особей. Это плохо, это, получается, не отчаянная вылазка бестолковых беложопых юношей, а хорошо спланированный набег, возглавляемый опытным вождем. Если у них есть гранатометы... у такой армии наверняка есть...

По расчетам Серого Суслика выходило, что к концу второй ночи эльфы найдут первые следы близкого орочьего стада. А на третью ночь в загон придет беда.

Разведчики шли по следу до полудня, затем Серый Суслик решительно повернул лошадь на юго — запад.

— Возвращаемся в загон, — приказал он.

Он ожидал, что Два Воробья станет интересоваться причинами такого решения, и уже почти приготовил подходящее объяснение. Конечно, он не собирался говорить мальчику, что быстро просчитал обстановку на три дня вперед. Добрый господин Роджер Стентон на месте Серого Суслика сомневался бы и колебался до самого заката, а то и дольше. Негоже презренному орку быть разумнее доброго господина.

Серый Суслик представил себе Роджера Стентона верхом на лошади, в самом дальнем конце Запретного Пастбища, и рассмеялся.

— Чему ты смеешься? — спросил Два Воробья.

— Смех без причины — признак дурачины, — ответил Серый Суслик.

Два Воробья насутился и ничего не ответил. Он подозревал, что Серый Суслик, произнося эти слова, имел в виду что-то сложное, но что именно — Два Воробья не мог понять. Это его злило.

Они ехали до самого заката, при этом почти половину пути проскакали рысью. Серый Суслик торопился.

Заночевали они на Лысой Горе, на самой вершине. На всем Запретном Пастбище это лучшее место для ночлега, здесь нет высокой травы, в которой так любят прятаться беложопые оборотни, да и гранаты эльфийские летят вверх хуже, чем вниз. Впрочем, если эльфы пустят в ход гранатометы (не приведи Никс), удобная позиция вряд ли спасет.

Они не стали разводить костер, Серый Суслик решил не рисковать. Ночью огонь виден издали, особенно если он разожжен на вершине горы. Если первым следом орков, замеченным эльфами, станет этот огонь — будет очень плохо, души родичей, убитых и съеденных по вине разведчика, станут являться Серому Суслику каждую ночь, пока не утопят его душу в омуте безумия. Лучше обойтись без этого. Серый Суслик был почти уверен, что путь эльфов пролегает далеко за горизонтом, но он допускал, что может ошибаться. Никс не любит самонадеянных глупцов, уверенных в собственной непогрешимости.

Они достигли обитаемых мест во второй половине дня, когда солнце начало клониться к закату. Вначале на горизонте показалось коровье стадо, пастух помахал разведчикам рукой, они тоже помахали в ответ. Некоторое время Серый Суслик размышлял, не стоит ли сделать крюк и предупредить пастуха о грядущей беде, но потом решил не делать этого. Не стоит терять время, сейчас самое важное — предупредить доброго господина Роджера Стентона. А вернее, не предупредить, а доложить и смиренно ждать распоряжений. А все остальное — в воле Никс и, частично, Фортуны.

Когда они въехали в поля, Серый Суслик погнал лошадей рысью, он решил, что лошади выдержат остаток пути в таком темпе. Однажды им встретилась незнакомая женщина, она несла воду в двух ведрах, и когда они поравнялись, Серый Суслик крикнул:

— Эльфы идут!

Но она, похоже, не расслышала.

Они прибыли в загон за час до заката. По расчетам Серого Суслика, это был предпоследний закат до того, как в их стадо придет беда.

Два Воробья направил лошадь к дому Хромой Собаки, своей матери, а Серый Суслик — к дому Шелковой Лозы, своей жены. Спешившись, Серый Суслик накинул повод на специально предназначенный колышек, прошел между конскими черепами, привлекающими удачу, откинул полог вигвама и вошел внутрь. Жены дома не было.

Это было плохо — Серый Суслик рассчитывал поручить лошадь ее заботам, а самому направиться в балаган, чтобы доложить плохие новости без промедления. А теперь надо что-то придумывать...

Он вышел из дома и заметил, что вокруг удивительно безлюдно, а от площади перед балаганом доносится шум, какой бывает, когда сотня орков собирается вместе по какому-то делу. Кто-то уже принес черную весть? Серый Суслик прикинул в уме, где вчера и сегодня находились другие разведчики стада, и решил, что это вряд ли возможно. Тогда в чем дело?

Нет времени думать! Когда беда протягивает красную руку прямо к дверному порогу, некоторыми правилами можно пренебречь. Серый Суслик отвязал лошадь, взлетел в седло и направил свой путь к балагану.

Не успел он преодолеть и половины пути, как дорогу ему преградил полубосс по имени Барсук.

— Стой! — рявкнул он. — Слезай с лошади!

Серый Суслик покорно слез с лошади. Он открыл рот, но не произнес ни слова, потому что тяжелый кулак Барсука ударил его в живот, в ту самую точку, где сходятся линии жизненной силы, ответственные за сердцебиение, дыхание и пищеварение. Серый Суслик громко выдохнул, согнулся и осел наземь. Перед этим Барсук успел отвесить ему пощечину, но не очень сильную — Серый Суслик заранее отвернул голову, и удар пришелся вскользь. К счастью, Барсук не заметил, что разведчик пытался увернуться от удара, а то добавил бы еще.

Некоторое время Серый Суслик лежал на боку, подтянув колени к животу и безуспешно пытаясь вдохнуть. Наконец это ему удалось. А в следующую секунду в его грудь уперлась огромная ступня Барсука.

Повинуясь жесту полубосса, Серый Суслик перевернулся на спину. Барсук наступил на грудь сильнее и внушительно произнес:

— По загону на лошади не ездят.

— Я принес важную весть, — сказал Серый Суслик.

И взвизгнул, когда получил удар ногой в скулу. Не очень сильный удар, не столько болезненный, сколько обидный.

— Баранам слова не давали, — сказал Барсук. И добавил: — Вставай на колени и рубаху сымай.

Серый Суслик встал на колени и снял рубаху, сильно пропотевшую после долгой дороги. Барсук распоясался, сложил пояс пополам и с размаху стегнул Серого Суслика по голой спине.

— Понял? — спросил полубосс.

— Понял, — ответил Серый Суслик.

Второй удар.

— Что ты понял?

— Что баранам слова не давали.

Третий удар.

Всего Серый Суслик насчитал девятнадцать ударов. Барсук не считал удары, он считал так: раз, раз — раз, много. А вот рука у него тяжелая. Хорошо, что в этот раз не в полную силу бил, не иначе растерялся от такого необычного нарушения правил. Но о причинах преступления так и не спросил, блюдет правила наказания, сучий потрох.

Когда Барсук закончил экзекуцию, солнце почти село.

Местный пастух встретил путников не у края первого поля, как положено, а почти у самого балагана. Выглядел пастух растрепанным и немного не в себе — не иначе накурился только что. Или, может, запретное вкушал? Надо будет понюхать за ужином, не разит ли от хозяина спиртным перегаром.

Подойдя к гостям, пастух даже не поклонился.

— Приветствую вас, добрые сэры! — воскликнул он, улыбнувшись до ушей. — Какой демон вас сюда загнал, хотелось бы знать?

Сэр Хайрам хихикнул, сэр Шон кашлянул. Питер удивленно приподнял брови, провел рукой по лбу — так и есть, обруч сполз, волосы растрепались. Ни слова не говоря, привел прическу в богоугодный вид. Пастух разглядел татуировку, рухнул на колени, как подрубленный, и трижды склонился, касаясь носом земли. Затем распрямился и сказал:

— Приношу прощения, святой отец, что не признал вас сразу. Также приношу извинения, что осквернил уста, помянув нечистого духа.

— Какие извинения приносишь? — уточнил Питер.

— Смиранные, — ответил пастух. — Оба раза смиренные, само собой разумеется.

— Так-то лучше, — констатировал Питер. Многозначительно помолчал и спросил: — Почему встречаешь не где положено?

Пастух развел руками и смущенно улыбнулся.

— Ну? — спросил Питер.

— Не могу дать вразумительного ответа, — сказал пастух. — Виноват. Искренне прошу принять смиренные извинения, святой отец.

— Не многовато ли извинений? — спросил Питер, не меняя бесстрастно — брезгливого выражения лица. — Может, ты и четвертые извинения принесешь?

— Никак нет, — ответил пастух. — Не придется, ибо не посмею оскорбить ваше преосвященство столь вопиющим пренебрежением. Даже помыслить не могу...

— А ты не орк часом? — перебил его Питер. — Раз помыслить не можешь? Ибо не дал Иегова оркам дара мышления в полной мере...

— Но дал лишь на четверть, — поддакнул Шон.

Питер повернул голову и смерил рыцаря тяжелым взглядом. Шон заткнулся.

Пастух тем временем стал неловко раздеваться, не вставая с колен. Запутался в рукавах, сильно потянул рубаху, она треснула. Хайрам снова хихикнул. Питер решил не делать ему замечания — он не мифическое животное жираф, чтобы вертеть головой из стороны в сторону.

Наконец пастух справился со своей нелегкой задачей.

— Никак не орк, — заявил он, демонстрируя жрецу татуировку на руке чуть выше локтя.

Отвратительно сделанную татуировку, надо признать.

— Род тетерева? — спросил Питер. — Или перепела?

— Род куропатки, святой отец, — уточнил пастух. — Я в Оркланде родился, художники здесь у нас...

— Мне плевать, какие у вас художники! — рявкнул Питер. — Ты позоришь род куропатки, оркоподобный дурень, ни разу не назвавший своего имени за все это время!

— Опаньки, — сказал пастух.

Вскочил, церемонно поклонился и произнес, распрямив спину:

— Сэр Роджер Стентон к вашим услугам, святой отец.

И снова упал на колени.

Хайрам и Шон засмеялись в голос, Топорище Пополам закашлялся, другие орки тоже начали издавать сдавленные звуки.

— Достаточно, — сказал Питер. — Вставай, Роджер Стентон, и беги в свой свинарник. Я жду, что твое гостеприимство искупит оркоподобное непотребство, только что тобою учиненное. Бегом! Стой! Рубашку возьми, чучело жабообразное!

Жабообразное чучело подхватило рубашку и побежало к балагану. Питер улыбнулся. Этот скорбный умом гуманоид, называющий себя сэром, вряд ли смог бы в большей мере развеселить гостя, даже если бы захотел. Продолжение вечера обещает быть занимательным. После такой беседы эта тварь дрожащая не посмеет возразить, даже если Питер прикажет Топорищу Пополам уестествить его вторым способом. Но Питер, конечно, такого не прикажет. А вот устроить оргию с гладиаторскими боями, как в самых древних легендах первой эпохи... Может, в самом деле устроить?

Когда процессия вступила на площадь перед балаганом, загон походил на курятник, на пороге которого сидит хорек. Орки суетились, бегали туда — сюда, на дальнем краю площади один орк порол другого ремнем. Красота, да и только.

— Что это они делают? — спросил Хайрам.

— Забыл добавить «святой отец», — поправил его Питер.

— Я обращался к Шону, святой отец, — сказал Хайрам. — Однако я виноват, что обратился к нему, не испросив позволения вашего преосвященства. Прошу принять мои искренние и смиренные извинения, святой отец.

— Извинения приняты, — сказал Питер. — До завтрашнего утра можешь обращаться ко мне без чинов. Тебя это тоже касается, Шон.

— Как будет угодно вашему преосвященству, — отозвался Шон.

Тем временем суета на площади приобрела некоторую определенность. В беспорядочной толпе выделилась группа молодых самок, полубоссы выстраивали их в две шеренги, отбраковывая старых и уродливых. Не слишком усердно отбраковывая, надо признать.

Питер приблизился к строю и обвел самок суровым взглядом. Самки почтительно смотрели себе под ноги, некоторые пытались выпятить грудь, другие, наоборот, скособочились.

— Ты, ты, ты, — сказал Питер, при каждом слове тыкая в соответствующую самку указательным пальцем. — Ты, ты, ты, ты, ты. Еще ты и ты. А также ты. Хайрам, Шон, теперь вы выбирайте.

Шон восторженно присвистнул. Хайрам сказал:

— Я восхищаюсь мужеством вашего преосвященства.

Шон закашлялся.

— Балбесы, — сказал Питер и отвернулся.

И уткнулся взглядом в пастуха Роджера Стентона, который немедленно поклонился.

— Ванну, — повелел Питер. — Просто ванну, помыться хочу. Потом ужин. Потом выбранных самок, всех сразу. И чтоб помылись заранее и зубы почистили. И еще чтоб побрились, не люблю, когда у самок волосы не на голове.

— Железов Оркланде дефицит, — сказал пастух Роджер, неуместно щегольнув словом

из языка древних.

Это он зря.

— Ты некорректно консидерируешь ситуационную модель, сенсуализированную непосредственной обсервацией, — сказал ему Питер. — Нет импликации к инфинитивному распространению экспериментальных дат на весь Оркланд. Как инстанция — акцептация, реализованная третьего дня в вольфпаке сэра Бэкона, будучи подана на вход критерия максимального правдоподобия, делает ненулевой прокламированную тобою гипотезу о дефиците феррума в Оркланде.

Скорбный умом сэр Роджер выслушал эту тираду до конца, пробормотал:

— Преклоняюсь перед мудростью вашего преосвященства, святой отец.

И удалился озадаченный.

— Разве слова «экспериментальная дата» могут употребляться в этом значении? — спросил Хайрам.

— Не уверен, — ответил Питер. — Я просто забыл правильные слова. А откуда ты знаешь древний язык?

— Я хотел выучиться на летчика, — сказал Хайрам.

— Гм... — сказал Питер и замолк.

Он думал, не сказать ли Хайраму, что если они успешно исполнят свою миссию, молодой рыцарь вполне сможет исполнить свою мечту. Но, подумав, Питер решил ничего не говорить. Время раскрывать тайны еще не пришло.

Питер помылся, переоделся в чистое белье, накинул на плечи тонкий шерстяной плащ и немного прогулялся вокруг балагана. Прогулка не принесла удовольствия — взгляд то и дело натывался на суеющих орков, при этом суеились они намного больше, чем необходимо, чтобы организовать ужин, достойный почтенного дьякона. Плохо организована служба у Роджера Стентона, не умеет он правильно дрессировать орков. Написать, что ли, донос местному прокуратору? Нет, жрецу с тремя полосками униженно опускаться до подобных мелочей. Как учил святой Карнеги, истинно великий человек относится к ничтожествам снисходительно, не принимая всерьез. Но и не упуская случая проявить собственное величие, когда это пристойно.

Где-то вдали начали вопить самки, вначале одна, потом сразу несколько хором. И чего орут, спрашивается? Да так истошно... Волосы им выщипывают, что ли?

Питер расхохотался, и его смех напугал орчонка, прошмыгнувшего мимо с какой-то бадьей в руках. Неужели Стентон действительно приказал оципать самок, как кур? Вот дурак! Хотя... почему бы и нет? Злее будут.

Самочки вопли начали раздражать. Питер вернулся в балаган и потребовал трубку. Ему принесли гашиша, он пристально посмотрел на прислугу — орчанку и сказал:

— Ты бы еще овечьего навоза принесла. Опиум тащи, дура! А как притащишь — скажешь своему полубоссу, что я хочу видеть тебя после ужина. И еще скажешь ему, чтобы Роджер всыпал ему пять плетей.

— Да, добрый господин, — сказала орчанка, склонившись в поклоне. — Позволено ли мне узнать...

— Во — первых, не добрый господин, а отец высокорожденных, — поправил ее Питер. — А во — вторых, позволено.

Самка всхлипнула и сказала:

— Отец высокорожденных, я хотела узнать... э... за что пять плетей, отец высокорожденных?

— Для профилактики, — сказал Питер. — Пошла вон.

Самка пошла вон. Древнего слова она, конечно, не поняла.

Вскоре она вернулась, на этот раз с правильной трубкой. Питер сделал затяжку, поморщился (отвратительно приготовлен наркотик), вернул трубку самке, и тут его настиг приход. Когда отпустило, Питер решил, что наркотик приготовлен очень даже неплохо, а что вкус дрянной — это дело десятое. На обратном пути надо потребовать у Стентона полный кiset.

А потом пришло время ужина. По обычаю первое блюдо полагается поглощать в молчании, но Питер решил, что, если он пренебрежет обычаем, никто его не осудит.

— Роджер, — сказал он. — Говорят, где-то неподалеку от твоего загона есть место, которое орки называют плохим. Так и говорят — Плохое Место.

— Есть такое, — кивнул Роджер. — Сам я там не бывал, и вообще это не так уж и неподалеку. Если в субботу выйти — два дня пути, если в среду — можно за день успеть, если сильно торопиться. Но мои орки туда не ездят, нечего там делать. Там воды нет, кроме подземной, трава чахлая, даже коровы не жрут. Под пастбище не годится.

— Сегодня понедельник, — сказал Питер. — Если мы выйдем завтра... ну, не прямо на

рассвете, а, скажем, через час...

— То в среду до полудня будете на месте, — подхватил Роджер. — Если позволит ваше преосвященство, я велю кликнуть моего лучшего разведчика, он там много раз бывал.

— Кликни, — сказал Питер. — А пока он не пришел, расскажи мне про Плохое Место все, что знаешь сам.

— Даже не знаю, что рассказывать, святой отец, — растерялся Роджер. — Ну, место, ну, плохое, орки там пропадают. Вообще, про Плохое Место много чего рассказывают, но почти все — по — моему, сказки. Помнится, один полубосс говорил, что какой-то разведчик туда вошел, и... нет, это бред явный, даже стыдно такое вашему преосвященству пересказывать!

— В пересказе чужой неправды нет стыда, — сказал Питер. — Стыд есть, например, в том, что во всем загоне нет ни одного острого ножа. Так что рассказывай.

— Как будет угодно, святой отец, — пробормотал Роджер. — Короче, примерно так. Разверзлась земля, и проклюнулось семя, и вырос колос, и было в том колосе... сколько-то зерен там было, точно не помню, сколько...

— Эту подробность можешь опустить, — сказал Питер. — Ты дело говори. Некий орк вошел в Плохое Место и увидел... Что он там увидел?

— Нет, святой отец, туда никто не вошел, — сказал Роджер. — Один орк подошел к Плохому Месту и узрел семя и колос, а также оранжевые серпы и голубые цепи.

— Этот орк пахарем был? — спросил Питер.

— А я-то откуда знаю? — изумился Роджер. — Если что, я готов принести смиренные извинения, но сами подумайте, ваше преосвященство, какое мне дело до того, пахарем был какой-то там презренный орк или, скажем, скотником?

— Ты прав, пастух, — сказал Питер. — Продолжай.

— Так вот, — продолжил Роджер. — Оранжевые серпы этот колос сжали... Простите, святой отец, как именно сжали — запомнил. То ли один только серп в жатве участвовал, то ли все вместе...

— А потом цепи этот колос обмолотили, — Шон вставил в разговор свою реплику.

— А вы откуда знаете? — удивился Роджер.

Хайрам рассмеялся.

— Тихо, — сказал Питер. — Вы, господа рыцари, кое-что не понимаете, так я разъясню. Я веду важный разговор и не желаю, чтобы мне мешали. Если мне будет интересно ваше мнение, я спрошу особо. Это понятно?

— Понятно, — ответил Хайрам.

— Понятно, святой отец, — ответил Шон.

— До утра без чинов, — напомнил Питер и продолжил допрос пастуха: — Итак, любезный Роджер, колос сжали и обмолотили неким магическим образом, а каким именно — пока оставим. Что произошло далее с этим любопытным орком?

— Явился девятихвостый барсук, — с готовностью ответил Роджер.

Хайрам склонился к Шону и громко прошептал:

— А говорили, здесь пейотль не растет.

Роджер услышал эту реплику и стал оправдываться:

— Так я и не утверждаю, что истину говорю, я с самого начала говорил, ваше преосвященство, сказки все это и глупости.

Дверь в трапезную залу распахнулась, на пороге появился орк, Питер его раньше не видел. Это был орк средних лет, малорослый и плюгавый, с необычайно коротко

остриженными волосами, окружающими большую плешь на макушке. Сквозняк принес отвратительный запах — казалось, этот орк целый год не мылся. Лицо орка было отвратительное, крысиное какое-то лицо, и взгляд неприятный, слишком пронзительный для орка. Уж не полукровка ли часом?

— Войди, Серый Суслик, — повелел Роджер.

— Нет, — быстро перебил пастуха Питер. — Пусть стоит, где стоит. Впредь, Роджер, запомни: если я требую привести холопа, но не уточняю, что он должен быть грязнее, чем опарыш из навозной кучи...

— Смиренно прошу принять ваше преосвященство искренние извинения мои, — сказал Роджер.

Хайрам хихикнул, Питер тоже улыбнулся. У этого пастуха удивительный талант перевирать слова и портить дела. Это даже не отвратительно, а смешно. Примерно так же смешон Самый Дорогой Господин Морис Трисам, когда пытается, обкурившись, плясать тарантеллу под симфонический оркестр.

— Слушай меня, орк, — обратился Питер к мерзкому грязнуле. — Отвечай правдиво: что ты знаешь о месте, именуемом Плохим Местом?

Орк наморщил лоб, секунд пять думал, а затем сказал:

— Место то отсель на восход в двух воскресеньях.

Хайрам и Шон расхохотались, Питер тоже не удержался и засмеялся.

— Да, это очень забавно, — сказал Роджер. — Я когда этого орка впервые увидел, подумал даже, что полукровка. У него взгляд человеческий, полубоссы говорят, в детстве его из-за этого подозревали в грязнокровье, с тех пор у него зачатки мозга слегка подвинулись, и он все время пытается книжным слогом говорить. Так уморительно!

Воистину уморительно. Гадкое тщедушное тело, уродливая плешивая голова, почти человеческий взгляд и самое главное — чудовищный контраст между слишком правильным, книжным построением фраз и дремучей орочьей лексикой. Нет, это точно не полукровка.

— Вообще-то он не такой глупый, как кажется, — сказал Роджер. — Всадник хороший, а следопыт — вообще лучший в стаде. Продолжай, Суслик.

Суслик наморщил лоб и завращал глазами, собираясь с мыслями.

— Так Место Плохое на два воскресенья восточнее расположено, — повторил он. — Сие Место Плохое подобно навоза овечьего катышку, однако больше сего балагана существенно.

— Ты имеешь в виду, что оно имеет сферическую форму? — уточнил Питер.

— Чего? — переспросил Суслик. — Не достигаю разумения, отец высокородных.

Его уродливое лицо стало испуганным.

— Ладно, проехали, — сказал Питер. — Правда ли, что какие-то орки входили в Плохое Место и возвращались оттуда?

Суслик думал над этим вопросом почти минуту. Когда он размышлял, его руки подергивались, как бы помогая сформулировать мысль. Наконец орк заговорил:

— Частично правда слова отца высокородных. Один орк коснулся коленом края плохого места и стал оттого ровнее, чем черепаха, и не съели его.

— Ничего не понимаю, — сказал Питер. — Что значит «ровнее, чем черепаха»?

На этот вопрос Суслик не смог дать словесный ответ, он ответил жестом. Присел на корточки и развел руки горизонтально над полом.

— Плоский? — предположил Хайрам.

— Да, плоский! — воскликнул Суслик. — Плоский это именуется! Такой плоский, что есть нельзя!

Питер мысленно возликовал. Он спросил:

— Ты хочешь сказать, что этот несчастный орк стал настолько плоским, что его труп не годился к употреблению в пищу? Он стал таким плоским, что его можно было скатать в рулон?

— Не ведаю сути рулона, — ответил орк. — Однако скатал я его и приторочил.

— Ты? — уточнил Питер. — Ты сам лично наблюдал все, о чем рассказываешь?

Орк кивнул и сказал:

— Истинно наблюдал и воздержаться просил от намеренья дерзкого. Но отрекся он и плоским стал.

— Имплозионное силовое поле! — воскликнул Питер.

И тут же подумал, что не стоило произносить эти слова вслух. Впрочем, люди все равно ничего не поняли, а орк — и подавно.

— А теперь расскажи подробно, как выглядел этот... гм... катышек, — повелел Питер. — Прежде всего, меня интересует граница, та, до которой тот плоский орк дотронулся коленом. Как она выглядела?

На этот раз Суслик почти не думал.

— Никак не выглядела, — ответил он. — Не было границы. Не видно было.

— Стало быть, граница невидимая, понятно, — кивнул Питер. — Подпитка поля дистанционная, через... или, может... Вот что, скотина, напряги свой мозгозачаток и постарайся вспомнить вот что. Под этой невидимой границей были такие... гм... ну да, откуда жабе зеленой знать, что такое форсунки... Как бы это сформулировать понятно...

— Пеньки, — неожиданно сказал орк. — Пеньков в ряд много. Длинные. Гнутые. Одинаковые. Белые. Грязные. Но не очень. С дырками.

— С какими дырками? — спросил Питер. — Вдоль или поперек?

— Чего? — переспросил Суслик.

— Ну, там какие дырки были? Как в сыре?

— Дырки в сыре, — тупо повторил Суслик и надолго задумался.

— Может, в этом стаде сыр с дырками не делают? — предположил Шон. — Вот он и тупит.

Питер вопросительно посмотрел на Роджера, тот смутился и сказал:

— Я, честно говоря, не знаю даже. Я сыр не ем и вообще молочные продукты не ем, у меня это, как его...

— Непереносимость лактозы? — предположил Питер.

— Во — во, это самое! — воскликнул Роджер.

Это прозвучало настолько похоже на то, как обычно говорят орки, что Питер почувствовал отвращение. Истинно говорят древние пророки: с кем поведешься, от того и наберешься. Или в другой версии: с тем и наберешься. С орками, впрочем, набраться в хорошем смысле невозможно, им наркотики запрещены, и этот закон не имеет отношения к тому безумию, что подсовывают Самому Дорогому Господину всякие сволочи, это нормальное требование здравого смысла. Видел Питер однажды орка — наркомана...

— Чурка ты неарийская, Роджер, — сказал Питер.

— Дырки, как в рогозе, — вдруг подал голос вонючий орк.

— В чем, в чем? — не понял Питер.

— Как в камыше, — пояснил Роджер. — Это местный диалект.

— Стало быть, продольные, — резюмировал Питер. — А какое между этими пеньками расстояние? Сколько раз ступню можно поставить?

— Ступню нельзя! — испуганно воскликнул Суслик. — Плоская ступня станет, потом ходить нельзя и есть нельзя!

«Какой же он тупой, — подумал Питер. — А я еще подозревал, что это полукровка. Я здесь тоже тупею».

— Представь себе, что ты ставишь ненастоящую ступню, — сказал Питер. — Воображаемую. Знаешь, что такое воображение?

Орк отрицательно помотал головой.

— А сколько плоских ступней можно положить в ряд от одного пенька до другого? — спросил Шон.

Суслик стал считать:

— Раз. Раз — раз. Раз — раз — раз. Много.

— Плевать, — сказал Питер. — На месте разберемся. Пойдемте развлекаться, ребята, я узнал все, что хотел. Роджер, там уже все готово?

— Да — да, конечно, готово, — Роджер вскочил из-за стола и засуетился. — Сейчас я вас провожу, святой отец, и вас, благородные сэры.

— Мы сами найдем дорогу, — сказал Питер. — Лучше отведи этого твоего Суслика в купальню какую-нибудь. И скажи, чтобы трапезную проветрили, а то воняет.

Выступление перед заезжим жрецом прошло отлично. Это было опасное испытание, Серый Суслик очень боялся, и не зря — жрец заподозрил неладное, но первые же слова Серого Суслика развеяли все подозрения. Ловко он в свое время придумал — прикидываться не просто орком, а орком, изображающим человека. Главное — не забывать выстраивать из слов мысленную цепочку перед тем, как произносить вслух. Причем цепочку эту перед произнесением можно не упрощать, а усложнять, так даже смешнее.

Слава Никс, жрец избавился от подозрений. Молодец Серый Суслик — пилигрима третьего уровня обманул! Никогда еще Серый Суслик не был так близок к провалу. И никогда уже, наверное, не будет — столь ученые люди, как этот дьякон, нечасто забредают в оркландское захолустье. Не такое уж оно глухое, это захолустье, все артефакты древних давным — давно выбраны, одно только Плохое Место осталось, но оно никому не по зубам, оно умеет себя защитить. Интересно, кстати, что такое — имплозионное силовое поле? Что такое силовое поле, Серый Суслик примерно представлял, он прочел об этом в книге, которую украл из балагана в позатом урожае. Но что значит «имплозионное»? Может, имеется в виду эксплозия наоборот, взрыв, направленный не от центра, а к центру? Но силовое поле — это не взрыв, это совсем другое.

Все эти мысли промелькнули в голове Серого Суслика в те секунды, пока гости доброго господина Роджера Стентона вставали из-за стола. А потом они подошли к двери, и добрый господин Роджер Стентон вырвался вперед с явным намерением избить Серого Суслика за то, что тот посмел явиться к доброму господину Роджеру Стентону в неподобающем виде. Но не стал бить, побрезговал — удачно подул сквозняк, и густой запах орочьего и лошадиного пота окутал доброго господина Роджера Стентона и его высокородных гостей.

— Фу! — хором завопили рыцари и стали ржать, зажав носы пальцами.

Смешливые они, эти рыцари; по всему видно, недолго служат. Или из столицы приехали, из стольного града Барнард — Сити. Там, Серый Суслик однажды подслушал, рыцарям живется куда вольготнее, чем в провинциях и особенно в Оркланде.

— Жаба! — обратился к Серому Суслику добрый господин Роджер Стентон. — Ты когда мылся в последний раз?

— Перед разведкой, — ответил Серый Суслик. И быстро добавил, воспользовавшись паузой: — Эльфы приближаются.

— Да я тебя сгною! — рявкнул добрый господин Роджер Стентон, и тут до него дошло. — Чего? Эльфы?

— Истинно эльфы, — подтвердил Серый Суслик. — Сто особей приблизительно. Восточнее путь держат, но недалеко. Сей ночью след протропят, а второй ночью животы станут резать.

Добрый господин Роджер Стентон растерянно обернулся к отцу высокороденных Питеру Пейну.

— Эльфы, — сказал он.

— Не надо так на меня смотреть, — ответил ему жрец, нехорошо улыбаясь. — Эльфы ничего не меняют. Хотя нет, меняют. Организуй-ка нам по кисетику твоего опиума, вот такого размера каждый кисетик, — он показал пальцами. — Хороший в твоём загоне опиум растет, забористый, хоть и гадкий на вкус. Обидно будет, если пропадет.

— Но эльфы... сто особей... — жалобно проблеял добрый господин Роджер Стентон.

— Может быть... — начал говорить тот рыцарь, который чаще улыбался, но жрец его оборвал:

— Нет, Хайрам! Мы следуем своим курсом, и нам нет дела ни до эльфов, ни до орков. Барнард для людей, понял? Наш путь лежит на восток, эльфы нам не помешают.

— Загон разорят, — сказал Хайрам. — Вам же на обратном пути...

— Один раз в поле переночевали и не померли, — отрезал жрец. — Сухпайков у нас в достатке, лишний день ничего не решает. Завтра на рассвете выступим, этот Суслик вонючий тоже с нами пойдет, и пусть лошадь свою возьмет, у нас лишних лошадей нет. Только чтоб помылся!

— Еще воды возьму, — сказал Серый Суслик. — Чтобы пить.

Жрец Питер и рыцарь Хайрам озадаченно переглянулись. Вдруг лицо жреца просветлело, он воскликнул:

— Точно, вода! Суслик говорил, у Плохого Места нет воды! Молодец, Суслик, хорошая скотинка. Роджер, выдашь моим оркам три, нет, пять вьючных лошадей и бурдюков соответственно. И не делай такую морду, это не грабеж, а справедливое распределение ресурсов. Грабеж тебе пучеглазые устроят завтра в полночь.

— Может, откупимся, — растерянно произнес добрый господин Роджер Стентон.

— Конечно, откупишься! — рассмеялся жрец и хлопнул пастуха по плечу. — От сотни эльфов откупишься, ага, запросто! Блажен, кто верует, учат нас пророки американского континента.

— Какого континента? — переспросил Роджер Стентон.

— Американского, — повторил жрец. — Тебе это неизвестно, неуч захолустный, это из первой эпохи. Ладно, друзья, пойдёмте веселиться.

— Подождите, святой отец! — воскликнул Роджер Стентон и упал на колени, пытаясь обнять бедра жреца.

— Нет — нет, я предпочитаю самок, — сказал тот, брезгливо отодвигаясь.

— Не позорься, слизь, — вступил в разговор Шон. — Сам подумай своим мозгом прокуренным, что могут сделать три воина против ста эльфов?

— Три воина? — переспросил жрец.

— Я считаю вас за воина, святой отец, — пояснил Шон. — Мне кажется, вы владеете мечом не хуже нас с Хайрамом. Насчет лука не уверен.

— Теперь понял, — сказал Питер. — Ты как бы делаешь мне комплимент. А мне уж показалось было, что ты собрался меня оскорбить...

— Не имею в мыслях, — сказал Шон. — Я, конечно, прошу святого отца принять мои смиренные...

— Забей, — отмахнулся Питер. — Лучше стукни этому трусу в бубен вместо меня, а то я мараться не хочу.

— Ногой можно? — деловито осведомился Шон.

— Можно, — кивнул Питер.

Роджер Стентон проворно вскочил и отступил на два шага. На его глазах выступили слезы.

— Как вы можете?! — воскликнул он. — Это же скот, живые твари, у них тоже души есть! Товар, в конце концов! Как можно?!

— Ну, все, ты меня утомил, — сказал Питер. — Пшел вон. И ты тоже, скотина, пшел вон.

Серый Суслик поспешно выполнил приказ. Покидая балаган, он думал о том, что, когда жрец говорил, что три воина ничего не сделают против сотни эльфов, в его глазах читалась ирония. Его взгляд как бы говорил, что будь в том нужда, он лично отправит в черное посмертие не сотню, а целую тысячу беложопых тварей, сил хватит. А он не похож на сумасшедшего...

Они вошли в залу, предназначенную для пастушьих развлечений. Здесь было бедненько, но чисто, Питер ожидал худшего. Не иначе ковры только что почистили.

У дальней стены толпились самки, при виде господ они вскочили и построились в шеренгу. Питер с удивлением обнаружил, что одна самка держит в руках гусли, другая — барабан, третья — дудку, а еще две самки — какие-то трещотки.

— О, музыка! — воскликнул Хайрам. — А танцы будут?

Одна самка вышла из строя и поклонилась.

— Как будет угодно добрым господам, — сказала она.

— Так и будет угодно, — сказал Питер, садясь на подушки. — Танцуй, ведьма!

— Кто танцуй? — переспросил Шон.

— Не бери в голову, — отмахнулся Питер. — Это из древних мифов. Я просто привык с учеными общаться, они такие шутки хорошо понимают.

Тем временем самки, неспособные к музыке, уселись у стены в ряд, другие самки заиграли на своих инструментах, а самка — танцовщица вышла вперед и поклонилась. Питер взял со столика трубку и стал набивать ее гашишем. Шон последовал его примеру.

— Ой! — сказал вдруг Хайрам. И пояснил, когда Питер требовательно посмотрел на него: — Ковры мокрые.

Питер отложил трубку, опустил руку и убедился, что ковры действительно мокрые.

— Стадо дебилов, — констатировал он. И тут же пояснил для рыцарей: — Дураков, я имею в виду.

— Может, пастуха того... наказать? — предложил Шон. — Не ждать беложопых, а самим наказать?

Питер немного подумал и сказал:

— Не хочу портить вечер. Чего стоишь, телка? Пляши давай!

Музыкантши заиграли, танцовщица затанцевала. Питер набил трубку и закурил. Хорошо... Хороший у тебя план, сэр Роджер, хотя в остальном ты — мерзость ходячая и чмо презренное. Надо распорядиться, чтобы плана тоже отсыпали. Но не сейчас, попозже.

Самка танцевала. Поначалу она двигалась неловко и скованно, но это быстро прошло. Через минуту Питер понял, что если ей замазать жабы татуировки на морде и одеть не в холстяную накидку, а в нормальную балетную юбочку, то она неплохо смотрелась бы на сцене столичного Большого театра. Не примадонна, конечно, но талант несомненный. Гибкая какая...

— Раздевайся давай! — крикнул Шон. — Сколько можно ногами сучить?

Питер посмотрел на Шона с неудовольствием. Эти рыцари — неплохие ребята, но культура — не самая сильная их черта. Их дело — война, а балет и другие искусства им неведомы. Они неспособны оценить изящество поз и движений, а когда танцовщица исполняет сложную фигуру, они восхищаются не балетным мастерством самки, а тем, как у нее юбка задралась. Вот и сейчас хорошо видно, как взгляд Шона прыгает по маршруту грудь — задница — ноги и обратно. Сидит, попыхивает косяком и пялится, разве что слюни не пускает. А укоризненный взгляд дьякона даже не заметил.

Хайрам завизжал и заплодировал. Питер перевел взгляд на танцовщицу и увидел, что она освободилась наконец от платья и теперь танцевала обнаженная. От мимолетной

скованности не осталось и следа, ноги танцовщицы то и дело взлетали выше головы, вот она откинулась назад, встала на мостик, кувыркком поднялась, закружилась волчком... Какая же она гибкая и ловкая!

— Я знаю, как ей вдуть надо, — сказал Шон.

— Ты будешь последним, — сказал ему Питер.

— Почему это последним? — возмутился Шон. — Будет справедливо, если мы с Хайрамом разыграем очередь, так ведь, Хайрам?

— Ты не умеешь себя вести, — заявил Питер. — Все время вякаешь с места, смотреть мешаешь. Считаю, что это наказание.

— Благодарю за науку, святой отец, — пробурчал Шон и заткнулся.

Самка продолжала танцевать. Было видно, что она уже устала, но она не прекращала танец. Бойтся, наверное, что накажут. Нет, это профанация какая-то, движется, как больной тушканчик, пора заканчивать.

Питер хлопнул в ладоши и сказал:

— Достаточно! Иди сюда, телка, ты прекрасно станцевала и будешь вознаграждена. Выпей воды для начала.

Телка пила долго и жадно. Ее грудь вздымалась, кожа лоснилась от пота, но это был не застарелый пот, липкий и вонючий, а свежий пот, не отвращающий, а, наоборот, возбуждающий похоть. Но обтереться ей все-таки нужно.

— Полотенце сюда! — повелел Питер. — Чего тормозите, жабы? Ты, сисястая, хватаешь полотенце и бегом сюда. Бегом, я сказал! Оботри ее. А вы чего расселись? А ну-ка, покажите высокородным, как вы умеете ласкать друг друга!

Самки начали эротическую гимнастику. Вяло начали, неохотно и без фантазии, сразу видно, что их никто не учил этому высокому искусству.

— Достаточно, — обратился Питер к самке, обтиравшей танцовщицу. — Иди к подругам. А ты, — он обратился к танцовщице, — встань на колени и усладдай.

Питер взял трубку, вытряхнул пепел и стал забивать второй косяк. Мелькнула дурацкая мысль: а почему дозу конопли называют косяком? Что в травке и в трубке косоного? Но когда губы танцовщицы прикоснулись к плоти Питера, ученые мысли мигом вылетели из его головы.

Он сидел на куче подушек, дымил трубкой, его ласкала прелестная самка, другие самки услаждали его зрение (не слишком хорошо услаждали, но под коноплю пойдет). Питер наслаждался.

— Святой отец! — позвал его Хайрам.

Питер медленно повернул голову. Мышцы слушались неохотно.

— Святой отец, позвольте, мы начнем оргию, — сказал Хайрам.

— Да, конечно, начинайте, — отозвался Питер.

Последний раз пыхнул, отложил трубку, и некоторое время наслаждался тем, как шевелится потолок. А потом потолок перестал шевелиться, и Питер сказал:

— А поворотись-ка, телка, к подругам передом, а ко мне задом.

То, что происходило в следующий час, вряд ли стоит описывать в подробностях. Все оргии примерно одинаковы, индивидуальные различия проявляются только в начале, когда участники еще не распалились, и в конце, когда они уже устали. Так что мы опустим детали основной части оргии и перейдем к финалу.

— А все-таки этот сэр Роджер поступил с нами, как жаба, — сказал Шон.

Питер пыхнул третьим косяком, хихикнул и потребовал:

— Поясни.

Шон начал смеяться. Наблюдателю, не знающему о том, сколько травы он выкурил, его смех показался бы неестественным. Закончив смеяться, Шон сказал:

— Ну, это, ковры мокрые, телки вялые, одна только хороша — та, которая пляшет. Сдается мне, надо их наказать.

— Не люблю наказывать, — меланхолично произнес Хайрам.

На него конопля подействовала необычно — он стал не весел, а расслаблен и скучен. Так тоже иногда бывает.

— Да ты что! — изумился Шон. — Наказывать — это весело! Давайте устроим гладиаторский бой!

Питер вспомнил, что сам думал об этом, когда подъезжал к загону.

— Гладиаторский бой между телками? — переспросил Питер. — Интересно... А давайте устроим!

— Пойду-ка я посплю, — сказал Хайрам, поднимаясь. — Завтра вставать рано.

Шон проводил его издевательским смехом.

— Слабак! — сказал он, когда Хайрам вышел из залы.

— Такие слова принято говорить в лицо, — заметил Питер.

— Это не слова, это шутка, — сказал Шон.

— Это неудачная шутка, — сказал Питер. — Будь ты не накурен...

— Смиренно прошу святого отца принять мои искренние извинения, — сказал Шон.

— Извинения приняты, — сказал Питер. — Давай уже начинать. Пошли кого-нибудь за ножами.

Сэр Роджер Стентон валялся на неразобранной постели. Он лежал полностью одетый и в сапогах, раздеваться и разуваться не было ни сил, ни желания. А наложниц он почему-то прогнал. Сегодня он выкурил еще одну трубку опиума, третью за последние сто дней. Он понимал, что вот — вот перейдет грань, отделяющую нормального человека от наркомана, возможно, уже перешел, но это было уже все равно. Важно только то, что пока действует опиум, можно забыться и не думать ни о том, что произошло, ни о том, что произойдет следующей ночью. Но потом кайф проходит, и становится так плохо, так плохо...

Никогда еще его так не унижали. Отец Питер ясно дал понять, что Роджер только называется сэром, а по сути есть кусок дерьма, недалеко ушедший в развитии от человекоподобных жаб, которых пасет. Самое обидное, что это было правдой.

Когда Роджер учился в академии, он знал, что служба в Оркланде — не сахар, что она ломает людей, что из каждых десяти рыцарей, назначенных на должность пастуха, только один находит достаточно сил, чтобы сохранить человеческое достоинство. Все преподаватели говорили в один голос: нет хуже судьбы для воина, чем судьба орочьего пастуха. Учись, говорили они, учись, сволочь, не будешь учиться — жаб пасти станешь. А Роджер смеялся и не верил. Умом-то он понимал, что есть такая опасность — угодить в проклятое место, называемое в газетах красивым словом Фронтир, но он никогда не верил, что эта позорная участь может быть уготована лично ему. Пусть он не лучший курсант на курсе, но и не самый худший ведь! Да, мечом он владеет плохо, но он силен и вынослив, ему все равно, как бежать кросс — в кольчуге или без. Из-за плохого зрения он ни разу не сдал зачет по стрельбе из лука, но зато на ножах третий на курсе. А по рукопашному бою — пятый. Есть много курсантов, которые хуже него, они-то в Оркланд и поедут!

На третьем курсе он отказался писать факультативную курсовую работу, так и сказал профессору:

— Святой отец, я воин, а не жрец. Жрец сражается знанием, а воин сражается мечом.

Профессор долго разглядывал Роджера, Роджеру показалось, что тот смотрит на него как на некое диковинное земноводное. Потом профессор сказал:

— Не знанием сражается жрец, но разумом. И даже из воинов лишь те сражаются мечом, кто забыл лицо своей матери, а истинные воины сражаются разумом, направляющим их меч. Не упражняя разума, а упражняя лишь тело, не постичь высот воинского искусства, не пройти путем воина достаточно далеко. Ты, должно быть, отличный мечник?

— Нет, — ответил Роджер, немного смутившись.

— Тогда ты, наверное, замечательный лучник? — спросил профессор.

Курсанты начали пересмеиваться.

— Я отлично сражаюсь на ножах и без оружия! — воскликнул Роджер.

— Тогда тебе прямая дорога в Оркланд, — сказал профессор. — Там эти умения пригодятся.

Так Роджер получил первое предупреждение.

Роджер не внял ему, он предпочел отмахнуться от слов профессора, дескать, что может знать книжный червь о судьбе воина! Но книжный червь оказался прав. На четвертом курсе, когда декан распределял курсантов по спецкурсам, Роджер был зачислен на орковедение. Это было второе предупреждение, и, в отличие от первого, оно было ясным и недвусмысленным,

это было скорее пророчество, чем предупреждение. Роджер потребовал аудиенции у декана и сказал декану прямо в лицо:

— Ваше благородие! Неужели вы полагаете, что я не достоин более хорошей участи, чем пасти презренных жаб?

Декан долго смотрел на Роджера, а затем сказал:

— Я полагаю, ты станешь отличным пастухом, лучшим во всем Оркланде. И когда это случится, ты вернешься в академию профессором орководения, и я думаю, что ты станешь отличным профессором. Так я вижу твою судьбу. Но мое предсказание сбудется лишь в том случае, если ты сможешь ему сбыться. Ты должен проводить вечера не в курильнях и борделях, а в библиотеках. Ты должен стать первым орководом на курсе и на выпускном экзамене приятно удивить экзаменаторов своими знаниями. А прибыв к месту службы, не увлекаться развратом и садизмом, а постигать науку управления. Привести стадо к сытости и процветанию, занять первую строчку в рейтинге дистрикта, сделать так, чтобы орки бежали не от тебя, а к тебе. И тогда ты получишь право выбирать свою дальнейшую судьбу. А пока ты никто и звать тебя никак, ты просто школота четвертого уровня, и не более того.

— Меня звать не никак, а Роджер Стентон, — заявил Роджер. — А через сто шестьдесят два дня я буду зваться сэром Роджером Стентоном.

— Гордость — хорошее качество, — сказал декан. — То, что ты пытаешься со мной спорить, а не тупо соглашаешься — еще лучше. А обида, которую я вижу в твоих глазах, — это вообще прекрасно. Главное для тебя, чтобы эта обида повела тебя не по пути уныния и отчаяния, а по пути совершенства.

— Я не жрец, чтобы вступать на путь совершенства! — воскликнул Роджер.

— Каждый умный человек — в чем-то жрец, — сказал декан. — Этим мы, люди, и отличаемся от жабоголовых орков. Подумай над моими словами, Роджер. А теперь ступай.

Роджер вышел из кабинета декана, его обступили друзья и стали расспрашивать.

— Не любит меня декан, — сказал им Роджер. — Не иначе ему кто-то настучал про тот случай с дохлой крысой.

Курсант по имени Фредди хлопнул Роджера по плечу и воскликнул:

— Не печалься! Пойдем лучше, косяк забьем!

Они забили косяк, и Роджер окончательно убедился, что слова, произнесенные деканом, произнесены им только для того, чтобы поглумиться над нелюбимым курсантом. И последние дни в академии Роджер проводил не в учении, а в курении и разврате. И распределение направило его в Оркланд, пастухом орчьего стада.

Направляясь к месту распределения, он ожидал, что дела стада будут пребывать в беспорядке, но он не рассчитывал, что беспорядок будет *таким*. Старый пастух погиб в бою с эльфами, более ста дней орки паслись сами по себе и за это время распустились донельзя. Достаточно сказать, что каждый второй полубосс оказался полукровкой, Роджер их первым делом всех казнил. Похоже, они готовили мятеж — в стаде нашлось множество младенцев и даже подброшенных детей, не имеющих установленных законом татуировок. Роджер казнил этих детей вместе с их матерями. После этого какой-никакой порядок стал поддерживаться.

Первое время Роджер честно старался привести стадо к процветанию. Но все попытки упирались в тупое сопротивление полубоссов и простых орков. Нет, они не пытались возражать пастуху, от этого Роджер быстро отучил их. Они просто не понимали, чего он от них хочет. Что бы Роджер ни приказывал своим оркам, они все путали, перевирали и делали неправильно. Только если Роджер вдруг ошибался и приказывал какую-то глупость, ее

исполняли точно и беспрекословно. Все чаще Роджером овладевало постыдное желание устранился от дел, предоставить орков самим себе, и пусть будет что будет. И в какой-то момент он вдруг осознал, что он *уже* устранился от всех дел.

Жить стало легче. Он стал курить коноплю вначале через день, затем ежедневно, стал курить опиум каждый сотый день, увлекся развратом и достиг в этом деле больших высот. И, странное дело, стадо не вымерло и не разбежалось, орки продолжали жить своей убогой и презренной жизнью, и заезжие работоторговцы говорили Роджеру, что он ведет дела даже лучше, чем предыдущий пастух. А раз так, зачем напрягать мозг и что-то выдумывать? Скотина не нуждается в отличном уходе, она нуждается в удовлетворительном уходе, все остальное — дурь и баловство.

Роджер привык к такой жизни, его чувство собственной важности, уязвленное неудачным распределением, вернулось к прежнему состоянию. Он даже начал радоваться тому, что пасет стадо в Оркланде. Кем бы он был, останься он в столице? Сопливым мальчишкой на побегушках, которым помыкают все кому не лень. А здесь он вождь, орки его почитают почти как бога. А если кто не почитает — стоит Роджеру пошевелить пальцем, и виновный понесет любое наказание вплоть до смертной казни. Чем не счастье?

Но сегодня это счастье разрушилось. Трехполосный столичный жрец разъяснил Роджеру, что он не вождь и не бог, а все-таки сопливый мальчишка, дерьмо под ногами настоящих рыцарей. И еще эльфы эти... Пастух орочьего стада несет реальную ответственность только в одном случае — когда эльфы устраивают набег. Роджер понимал, что без хорошего командира стадо не спасти, а он, Роджер, — не хороший командир. В военном деле он такая же бестолковая жаба, как орки, которых он пасет. Он смутно помнил основные правила организации обороны, но ясно понимал, что он не сумеет их применить должным образом, потому что управление воинами — не наука, а искусство, ему можно научиться только на практике, а практики у него не было. А он, дурак, радовался, что стадо откочевало в безопасное место, что мелкие отряды пучеглазых разбойников не тревожат орочий покой. И вот дорадовался, сразу сто эльфов идут по его душу.

Роджер взял с тумбочки трубку и кисет и стал забивать очередной косяк. Будь что будет.

Подойдя к своему вигваму, Серый Суслик увидел, что его поджидает Ходящая Вокруг. Говорят, в молодости эта самка была восхитительно красива, и из пяти мужей, обитавших в ее вигваме в разное время, четверо были полубоссами. За свою долгую жизнь Ходящая Вокруг родила девять детей, семеро из которых дожили до возраста зрелости. Очень достойная женщина.

— Здравствуй, почтенная мать, — поприветствовал ее Серый Суслик.

— И ты здравствуй, сынок, — отозвалась старушка. — Орки говорят, ты принес дурную весть.

— Верно говорят, — кивнул Серый Суслик. — Однако почему ты стоишь за дверью? Разве Шелковая Лоза не пригласила тебя в жилище?

— Шелковая Лоза пляшет для гостей доброго господина, — сказала Ходящая Вокруг. — Давай лучше я приглашу тебя в свое жилище. Ты грязен и голоден, а в твоём вигваме сейчас некому позаботиться о тебе.

— Благодарю тебя, почтенная мать, — сказал Серый Суслик. — Но сначала я должен позаботиться о своей лошади.

— В этом больше нет нужды, — сказала Ходящая Вокруг.

— Как?! — воскликнул Серый Суслик. — Она пала?!

— Нет, — улыбнулась Ходящая Вокруг. — Я поручила ее заботам сына моей дочери. Два Воробья уже сделал все необходимое.

— Благодарю тебя, почтенная мать, — сказал Серый Суслик и поклонился. — Я с удовольствием приму твоё приглашение.

— Тогда пойдем, — сказала Ходящая Вокруг. И добавила, хихикнув: — Приятно с тобой поговорить, Серый Суслик, когда ты забываешь строить из себя дурачка.

— И с тобой приятно поговорить, почтенная мать, — отозвался Серый Суслик.

Серый Суслик был почти уверен, что Ходящая Вокруг — такая же полукровка, как и он сам. А она, он знал, думала о нем то же самое. И когда они разговаривали наедине, они пренебрегали необходимостью запутывать свои мысли в одеяло нарочито неказистых слов. До тех пор, пока в кругу беседы не появлялся кто-то третий. Если, конечно, этот третий — не Два Воробья, от внука Ходящей Вокруг Серый Суслик не скрывался, он знал, что мальчик любит его и никогда не предаст.

Они подошли к вигваму Ходящей Вокруг. К коновязному кольшку была привязана лошадь Серого Суслика, а в вигваме над очагом грелась вода для бани. Серый Суслик помылся, поужинал, и когда он рыгнул, показывая, что наелся, Ходящая Вокруг попросила его:

— Расскажи мне про эльфов, которых ты видел в разведке.

— Я видел не эльфов, а только их следы, — сказал Серый Суслик. — Они идут не к нам, а восточнее, но они идут не настолько неправильно, чтобы совсем пройти мимо. Полагаю, они уже нашли следы и теперь догадываются, где мы живем. Завтрашней ночью они будут здесь.

— Как ты думаешь, те рыцари, что гостят у доброго господина Роджера Стентона, хорошо разбираются в воинском деле? — спросила Ходящая Вокруг.

— Думаю, неплохо, — ответил Серый Суслик. — А жрец — еще лучше. Но они не

станут помогать доброму господину. Они идут в Плохое Место.

— Вах! — воскликнула Ходящая Вокруг. — Но добрый господин Роджер Стентон совсем не умеет воевать, а назначенные им полубоссы — тем более. А много ли эльфов к нам идет?

— Очень много, — сказал Серый Суслик. — Примерно сто.

Ходящая Вокруг немного подумала и сказала:

— Сдается мне, оркам пора разбежаться по полям. Серый Суслик, ты сможешь отвести два десятка орков в безопасное место?

— Не смогу, — покачал головой Серый Суслик. — Добрый господин Роджер Стентон приказал мне сопровождать к Плохому Месту отца высокорожденных Питера Пейна. Впрочем...

В голове Серого Суслика забрезжила не вполне ясная, но многообещающая мысль. Некоторое время он обдумывал ее, а затем обратился к мальчику, который все это время сидел рядом и прислушивался к разговору взрослых:

— Два Воробья, сейчас я дам тебе задание. Это будет твое первое самостоятельное задание.

— Чего? — переспросил Два Воробья.

— Твое задание, — повторил Серый Суслик. — Сядешь на лошадь, поскачешь и сделаешь задание. Один сделаешь задание.

— Один? — изумился Два Воробья. — Сделаю задание сам? Совсем один?

— Сам, — подтвердил Серый Суслик. — Совсем один. Слушай и запоминай.

— Если не запомнишь, я потом повторю, — сказала Ходящая Вокруг. — Я буду повторять столько, сколько надо, пока он не запомнит все в точности.

— Спасибо, почтенная мать, — сказал Серый Суслик. — Так вот, задание. На рассвете ты оседлаешь лошадь и поскачешь к Красному Ручью, но не доедешь до него. Там есть три большие рощи, помнишь их?

— Три рощи у Красного Ручья, — повторил Два Воробья. — Да, помню.

— Ты поскачешь туда и проскачешь между двумя ближними рощами, не приближаясь ни к одной из них ближе, чем на пять поприщ. Когда все три рощи будут равноудалены от тебя, ты остановишься и внимательно осмотришь их все. Издалека осмотришь. Твоя лошадь будет стоять на месте, а ты будешь сидеть на лошади и смотреть по сторонам. Очень внимательно смотреть.

— Говори медленнее, учитель, — попросил Два Воробья. — Я не успеваю запоминать.

— Зато я успеваю, — сказала Ходящая Вокруг. — Продолжай, Серый Суслик, я прослежу, чтобы Два Воробья все запомнил. Что он должен увидеть в этих рощах?

— Эльфов, — сказал Серый Суслик. — Они остановятся на дневку в одной из них, а может, сразу в двух. Как только ты увидишь эльфов, ты громко закричишь и быстро — быстро поскачешь на восток. Если пройдет полчаса и ты никого не увидишь, ты все равно громко закричишь и быстро — быстро поскачешь на восток. Ты будешь часто оборачиваться и кричать. И ты будешь делать так до тех пор, пока три рощи не исчезнут за горизонтом. Тогда ты перестанешь гнать лошадь, дальше будешь ехать как обычно, переходя с рыси на шаг всякий раз, когда лошадь тебя попросит. Ты не будешь путать след. В полдень ты пообедаешь и не будешь прятать следы привала.

— Но так нельзя! — воскликнул Два Воробья. — Разведчик должен быть скрытным!

— Ты прав, обычно разведчик должен быть скрытным, — кивнул Серый Суслик. — Но завтра будет особый случай. Повторяю: ты не должен путать след и скрывать следы своих

остановок. Твой след должен быть ясно виден всякому, кто пожелает его протропить. Это понятно?

— Понятно, — сказал Два Воробья, он выглядел растерянным.

— Понятно, — сказала Ходящая Вокруг, она выглядела воодушевленной.

Очевидно, она уже поняла, что задумал Серый Суслик.

— Тогда я продолжу, — сказал Серый Суслик. — Вначале ты, Два Воробья, будешь двигаться на восток. А когда минуешь Лысую Гору, это случится вскоре после полудня, ты повернешь на юго — восток. На закате ты должен достичь Соловьиного Перелеска. Когда увидишь Соловьиный Перелесок, ты начнешь путать след и проявишь самое высокое искусство, на которое только способен. Ты выберешь место для ночлега по собственному разумению, но оно должно быть удалено и от леса, и от тропы, ведущей к Плохому Месту. Ты должен очень — очень хорошо укрыться. Что бы ты ни увидел, ты не должен покидать укрытие, ты будешь сидеть тихо и наблюдать. Никто не должен тебя видеть у Соловьиного Перелеска, ни свои, ни чужие. Даже если ты увидишь меня, ты не должен выходить из укрытия. Понял?

— Не совсем, — сказал Два Воробья.

— Зато я поняла, — сказала Ходящая Вокруг. — Возвращайся к себе, Серый Суслик, и ложись спать. А я буду повторять задание, пока Два Воробья не запомнит его накрепко. Только один вопрос: когда Два Воробья может считать, что задание выполнено?

— Он поймет, — ответил Серый Суслик. — Он, конечно, не блещет умом и сообразительностью, но он все равно поймет. А если не поймет... да нет, точно поймет.

Глава 2

Эльфы

Питер проснулся с первым солнечным лучом. Окно гостевых апартаментов выходило на восток, погода была ясная, а занавеску Питер специально не стал задергивать. По идее, Роджер должен был приказать какой-нибудь жабе разбудить гостей в положенное время, но полностью полагаться на прокуренный разум пастуха — раздолбая Питер счел неразумным.

Правильно счел — будить гостей никто не собирался. Питер вышел в коридор, в нос ударило запахом бойни. Отвратительно. И что, спрашивается, древние находили в гладиаторских боях? Зрелище, конечно, забавное, особенно под коноплю, но не настолько, чтобы растрачивать на него жизни своих рабов. Это в Оркланде жизнь орка ничего не стоит, в цивилизованных землях дела обстоят совсем иначе. Ну да мы не в цивилизованных землях.

Коридор был пуст. Со стороны крыльца доносились орочьи голоса, Питер пошел туда. Когда он вышел в холл, орки перестали гомонить и дружно попадали на колени. Питер улыбнулся. Лучший способ заставить жаб уважать тебя — казнить нескольких. И чем более жестока казнь, тем сильнее будет уважение. А самая лучшая казнь из всех известных Питеру — заставить жаб убивать друг друга.

— Воду мне, быстро, — произнес Питер негромко, но внушительно. — Жду пять минут, потом начну убивать.

И вернулся в комнату.

Ему пришлось ждать не пять минут, а семь, он определил время по солнцу, на рассвете и закате это можно сделать очень точно. А потом в комнату ввалились две испуганные самки, одна тащила корыто и ушат, другая — две бадейки, одну с холодной водой и одну с горячей. Питер потрогал горячую воду и сказал:

— Недостаточно горячо. — Выдержал паузу и добавил: — В следующий раз буду убивать.

И подумал:

«Если эльфы с этим не справятся».

Умылся, почистил зубы новомодной щеткой из свиной щетины, оделся и вышел из комнаты. Справил утренний туалет и пошел в пиршественную залу, завтракать. По дороге убедился, что подготовка к выходу идет полным ходом. Топорище Пополам орал и раздавал затрешины, даже не сразу заметил отца высокорожденных, а заметив, оборвал на полуслове гневную тираду, упал на колени и склонил голову. Питер благословил его следующими словами:

— Вставай и продолжай хлопоты. Я тобой доволен.

Роджер Стентон к завтраку не вышел. Телка — подавальщица смущенно пояснила, что добрый господин курил всю ночь, а теперь изволит почивать. Питер решил не придавать значения нарушению этикета, не такое уж оно и существенное. А следующей ночью, когда в загон войдут эльфы, оно вообще потеряет всякое значение. Но наркотики забрать все-таки надо.

Питер позвал Топорище Пополам и повелел тому добыть три кисета местного опиума и три кисета гашиша. А заодно обеспечить наличие проводника, этого уroda, как его зовут-то?.. Суслик какой-то там.

Подавальщица принесла завтрак — яичницу, бутерброды и чай. Чай оказался скверным, хлеб — тоже, но яичница и варено — копченая свинина были вполне съедобны.

— Приятного аппетита, святой отец, — сказал Хайрам, усаживаясь за стол.

— Приятного аппетита, ваше преосвященство, — поддакнул ему Шон.

Питер не стал отвечать с набитым ртом, он просто доброжелательно кивнул, дескать, и вам того же.

— Что-то ты грустный сегодня, Хайрам, — сказал Шон. — Не выспался?

Хайрам помотал головой и ответил:

— Нет, я нормально спал. Просто не люблю, когда сырым мясом воняет.

— Зря, — сказал Шон. — Такое зрелище пропустил! Мне особенно пятый поединок понравился, когда та телка, которая с сиськами огромными, сошлась с такой тощенькой и рыженькой. Как она ей живот располосовала! Кишки наружу, брызжет во все стороны...

— Избавь нас от подробностей, — прервал его Питер. — Воспитанный рыцарь не должен обсуждать за едой, что и куда брызнуло из разрезанных кишок неповоротливой жабы.

— Примите мои искренние и смиренные извинения, — сказал Шон. — Могу заметить в свое оправдание, что у нас в полку...

— Ты не в полку, — перебил его Питер. — Ты в экспедиции. Здесь я устанавливаю правила. И будь добр им следовать, если не хочешь испытать мой гнев.

— Да исполнится воля вашего преосвященства, — сказал Шон, перестал говорить и начал есть.

До конца завтрака никто не произнес больше ни слова.

Когда Питер вышел на крыльцо, он обнаружил, что караван почти готов к выходу. Орк — проводник стоял на коленях около крыльца (очевидно, упал на колени при виде Питера), другие орки заканчивали седлать и навьючивать лошадей. Питер внимательно осмотрел пять новых лошадей, которых выдал Роджер. Нельзя сказать, что они были очень хорошие, но сойдут. Пожалуй, этим утром пастух избежит гнева столичного гостя. Незачем терять время на вразумление ничтожества, его и так скоро эльфы вразумят. Пусть готовится.

— Выступаем! — повелел Питер. — Эй, дерево, труби поход!

Топорище Пополам протрубил. На площади поднялась суета. Орки торопливо занимали свои места, кто-то спешно подтягивал подпругу, кто-то поправлял седельные сумки, короче, обычная ежеутренняя походная суета. На крыльце балагана показались Шон и Хайрам, они торопливо дожевывали последние куски. Если бы Шон не стал говорить за столом о неподобающих вещах, Питер не стал бы их торопить, дал бы нормально поесть, не спеша. Но сейчас он не считал нужным ждать рыцарей. Пусть считают это наказанием, будет наука молодым раздолбаям.

Питер вскочил на лошадь и взмахнул рукой. Караван двинулся в путь. Проводник замешкался, не зная своего места, Питер бросил на него мимолетный взгляд и указал место рядом с собой, справа и на полкорпуса сзади.

Некоторое время они ехали молча. А потом, когда последнее возделанное поле осталось позади, Питер повернул голову к проводнику и сказал:

— Эй, жаба! Откуда, ты говоришь, придут эльфы?

Орк надулся, вытаращил глаза и перестал дышать, безуспешно пытаясь сформулировать внятный ответ. Не смог ничего вымолвить и просто указал пальцем. Хайрам засмеялся.

Питер восстановил в памяти карту этих мест, прикинул вероятный маршрут эльфийской армии и сказал:

— Ночью у нас могут быть гости. Это маловероятно, но не исключено.

Никто ему не возразил, и разговор снова увял сам собой.

Через какое-то время Шон и Хайрам стали переговариваться, вначале вполголоса, а затем, когда убедились, что предводитель не возражает, — в полный голос.

— Ты зря не остался на гладиаторский бой, — говорил Шон Хайраму. — Это было очень занимательно. Воинского умения у этих жаб и в помине нет, но какая воля к победе! Мне приходилось резать эльфов и ножом и мечом, я знаю, что такое кровь и смерть. Я не раз стоял лицом к лицу с врагом, но такого я еще не видел. Вот, например, в пятом поединке одна телка, сиястая такая, располосовала другой весь живот от бока до бока... Эй, Хайрам, ты куда?

— Противно тебя слушать, — сказал Хайрам. — Если святой отец не возражает, я предпочел бы занять место в начале или в конце колонны.

— Шон, заткнись, — повелел Питер. — Хайрам, тебе приходилось сражаться?

— Да, святой отец, — спокойно ответил Хайрам. — Я убил шесть эльфов, четырех в бою, двоих — пыткой. Я был взводным палачом.

— Врешь! — воскликнул Шон.

— Кажется, мне что-то послышалось, — сказал Хайрам.

— Шон, триста приседаний, — приказал Питер. — Это последнее предупреждение. Если не научишься управлять своим языком, я лично проверю, насколько искусен Хайрам в ремесле пытки. На тебе проверю.

Шон отъехал в сторону, прыгнул с лошади и стал приседать. Питер не удостоил его взглядом.

— Интересный ты парень, — сказал Питер. — Ни в жизнь бы не подумал, что ты умеешь пытать.

Хайрам пожал плечами и сказал:

— Это просто работа, которую кто-то должен делать.

— Думаю, из тебя получится неплохой командир, — сказал Питер. — Если ты хорошо проявишь себя в Плохом Месте, я так и напишу в твоей характеристике: отличные командирские способности.

— Постараюсь не подвести вас, святой отец, — сказал Хайрам.

— Постараюсь? — переспросил Питер. — Ты как бы намекаешь, что не уверен в себе?

— Нет, — покачал головой Хайрам. — Я уверен, что сделаю все, что в моих силах. Но я не люблю давать опрометчивых обещаний. Кстати, святой отец... Позволено ли мне поинтересоваться, что именно ждет нас в конце похода?

Питер задумался. Он не хотел делиться секретами раньше времени, но они уже покинули обитаемые пределы Барнарда, в этих пустошах уже не от кого хранить тайны. Не от орков же безмозглых!

— Позволено, — сказал Питер. — Подожди только, пока Шон вернется. Я не хочу инструктировать вас по отдельности.

Вскоре их догнал Шон. Он тяжело дышал, а его лоб был потным. Но в седле он сидел уверенно, физическая подготовка отличная.

— Ты импульсивен и неводержан, Шон, — сказал Питер. — Учись смирять свой характер, избегай необдуманных слов и дел. Другой вождь на моем месте не ограничился бы приседаниями.

— Смиренно прошу принять искренние извинения, святой отец, — сказал Шон. — Мне ведомы недостатки моего характера, я стараюсь исправиться, но...

— Ведомы? — переспросил Питер с деланным удивлением. — Тогда перечисли

недопустимые действия, совершенные тобой вчера и сегодня.

Шон вздохнул и начал перечислять:

— Во — первых, мне не следовало убивать ту танцовщицу. Я хотел показать вашему преосвященству, как ловко владею мечом, но не подумал, что забрызгаю кровью вашу одежду, святой отец.

— Все верно, — сказал Питер. — Кстати, ты великолепно владеешь мечом, лучше, чем я. Возможно, я попрошу тебя дать мне несколько уроков.

Орк — проводник вдруг шумно вдохнул воздух и стал дергаться, как будто с ним случился приступ пляски святого Витта. Шон с размаху ударил орка по спине, тот закашлялся и перестал дергаться.

Хайрам рассмеялся и сказал:

— Сдается мне, этой жабе пора научиться держать рот закрытым.

Питер тоже рассмеялся и сказал:

— Много раз слышал, что в открытый рот может залететь насекомое, но никогда сам не видел. Эй, орк, кого ты проглотил — муху или бабочку?

Орк не ответил — он так сильно кашлял, что на глазах выступили слезы. Как бы не издох раньше времени...

— Эй, дерево! — обратился Питер к Топорищу Пополам. — Займись нашим проводником, помоги ему проблеваться. Мне не нужно, чтобы он издох прямо здесь.

Топорище Пополам покинул свое место во главе колонны и направился к проводнику. Питер не стал смотреть, как орк приводит в чувство другого орка. Питер сказал:

— Продолжай, Шон. Какие еще прегрешения ты допустил вчера и сегодня?

Топорище Пополам схватил кобылу Серого Суслика за повод и потянул в сторону. Серый Суслик трижды глубоко вдохнул и выдохнул, прислушался к своим чувствам и сказал:

— Все нормально, отпустило уже.

Топорище Пополам окинул Серого Суслика пристальным, оценивающим взглядом и отпустил повод.

— Ты осторожнее, — сказал он. — Рот не разевай.

— А я и не разеваю, — резко сказал Серый Суслик и тут же подумал, что так говорить не стоило.

Топорище Пополам оглядел Серого Суслика еще пристальнее, помолчал некоторое время, а затем произнес:

— Рассказывай.

— Что рассказывать? — переспросил Серый Суслик.

— Все, — сказал Топорище Пополам. — Только не надо мне втирать, что ты действительно подавился мухой.

Серый Суслик долго молчал. Он вспомнил изречение какого-то древнего философа, то ли первой, то ли второй эпохи. «Если не знаешь, что говорить — говори правду», — учил тот философ.

«А почему бы и нет?» — подумал Серый Суслик и сказал:

— Добрый господин Шон убил мою самку.

Топорище Пополам рассмеялся.

— Я гляжу, вы тут совсем расслабились, в этом вашем Оркланде, — сказал он. — Самку убили, видите ли! *Твою* самку! Ты бы еще женой ее назвал!

Серый Суслик вздохнул и ничего не ответил. Вслух он так не говорил, но в мыслях он действительно называл Шелковую Лозу своей женой. Он понимал, как это наивно — у орка не может быть жены, орк — не субъект правовых отношений, а говорящая скотина, но Серому Суслику нравилось притворяться, что их с Шелковой Лозой совместное хозяйство — не просто брачный союз, как у двух собак, а нечто большее. Это была как бы игра, дескать, я понимаю, что орк, но я не просто орк, а орк, играющий в человека. Понятно, что это полная ерунда, но жить с этой ерундой становится легче.

Нельзя сказать, что Серый Суслик так уж любил Шелковую Лозу. Она была очень красива, возможно, самая красивая в стаде, она была искусна в танце и в любви, но этим ее достоинства ограничивались. Шелковая Лоза была бесплодна, ей было более девяти тысяч дней от роду, она переспала со всеми достойными самцами стада, но так и не смогла забеременеть. Она невкусно готовила и дурно вела домашнее хозяйство. И еще она была неумна. Но она была добра, весела и обаятельна, Серый Суслик любил ее (да — да, все-таки любил!) и гордился тем, что из всех самцов она выбрала его, слабого и некрасивого, а не могучего полубосса и не смазливового подростка.

А теперь рыцарь Шон убил ее. Без всяких причин, просто для забавы, похваляясь перед отцом высокорожденных своим воинским мастерством. Сказал ей «выпрямись и стой прямо», взмахнул мечом и рассек пополам от макушки до лона. Или четырьмя взмахами меча срубил руки и ноги, чтобы все пять частей тела упали на землю одновременно. Или заставил женщину вытянуть руку вперед и закрутил «ветряную мельницу», каждым взмахом отрубая

от руки небольшой фрагмент. То же самое можно проделать не с рукой, а с ногой, но это по силам только великому мастеру фехтования. А еще бывает «сделать шаурму», «взрезать арбуз», много чего бывает... Неистоцима фантазия высокорожденных, желающих показать друзьям свое воинское мастерство. А жизнь орка не стоит ничего, орк — не разумное существо, а бестолковая скотина. Только воля доброго господина может спасти орка от жестокой прихоти другого доброго господина. К сожалению, добрый господин Роджер Стентон лишен воли начисто.

Тем временем Топорище Пополам продолжал свою речь:

— Нашел повод убиваться! Телку замочили! Тьфу на тебя! Ты разведчик! Разведчик — это воин! Не сопля, а воин! Не беги смерти, а стремись, каждый день — последний! Ни вещей, ни друзей, ни самок! Руки Кали, воля Тора! Путь по лезвию топора! Дружба, братство и все! Понял, нет?

Серый Суслик молча кивнул, его лицо было застывшим и неподвижным.

— Ничего ты не понял... — вздохнул Топорище Пополам и пробормотал: — Каков господин, таково и стадо.

Кто-то кашлянул, Серый Суслик повернул голову и увидел, что сэр Хайрам отстал от отца высокорожденных, едет рядом с ними и прислушивается к разговору. Сейчас его лицо выражало недовольство.

Топорище Пополам бросил на сэра Хайрама настороженный взгляд, странно хмыкнул, пришпорил лошадь и направился к голове колонны. Сэр Хайрам немного помолчал, а затем спросил:

— А это правда, что орки в Оркланде живут семьями, как разумные люди?

Серый Суслик стал выстраивать слова в мысленную цепочку. Это было непросто.

— По заветам Иеговы живут орки, добрый господин, — ответил он после долгой паузы. — И еще Никс. По заветам Никс еще.

Сэр Хайрам хихикнул.

— Кто бы сомневался, — сказал он. Немного подумал и добавил: — Ты можешь вести этот разговор свободно, без чинов. Клянусь честью, судьбой и посмертием, что никому не передам слов, что ты сейчас произнесешь — ни человеку, ни орку. А если нарушу сию клятву, пусть отвернутся от меня Тор и Тина Минерва, пусть закроются перед моей душой врата Святого Петра и да низвергнусь я в Нифльхейм, где правит Калона. Сейчас я задаю вопросы не чтобы восстановить справедливость, а из научного интереса. Экспедиция закончится, наши пути разойдутся, и мне не будет дела до того, соблюдаешь ли ты заветы Иеговы или нет. Мне и сейчас нет дела до этого, мне просто интересно. Итак, Серый Суслик, правда ли, что орки в Оркланде живут семьями?

— Правда, — ответил Серый Суслик.

— А ты храбрый, — сказал сэр Хайрам.

Некоторое время они молчали, затем Серый Суслик спросил:

— Цель пути, о ней осведомиться дозволено, добрый господин?

— Дозволено, — ответил сэр Хайрам. — Мы едем в Плохое Место. Да ты и сам это уже понял. Может, тебе интересно, что мы рассчитываем там найти?

— Так, добрый господин, — сказал Серый Суслик.

Сэр Хайрам рассмеялся и сказал:

— Ты ничего не поймешь в моем рассказе, орк. Разве тебе ведомо, кто такой Джулиус Каэссар?

Серый Суслик вздрогнул. Сэр Хайрам покосился на него с интересом.

— Неужели ведомо? И кто это такой, по — твоему?

— Самый Добрый Господин, — ответил Серый Суслик. — Не Морис Трисам, а другой Самый Добрый Господин. Еще Резвый Индюк его звали, или Резвый Феникс, что то же самое. Предок всех людей и всех орков. Его мать Тина Минерва, отец — Джизес Крайст, также под именем Найенесгани известный. Родился на третьем небе Резвый Индюк, также Асгардом именуемом...

Серый Суслик был вынужден прервать свою речь, потому что сэр Хайрам начал оглушительно хохотать. На его смех обернулся отец высокорожденных, и сэр Хайрам перестал хохотать.

— Какие вы, орки, тупые и невежественные! — воскликнул он и пришпорил лошадь.

Серый Суслик тоже пришпорил лошадь — дорога скоро повернет, разведчику пора занять место в голове колонны. Проезжая мимо высокорожденных, он услышал, как они смеялись, а сэр Шон повторял:

— Ну, тупые, ох, тупые...

Серый Суслик боялся, что отец высокорожденных потребует рассказать всю легенду от начала до конца, и тогда Серый Суслик неминуемо разоблачит себя. Потому что он придумал эту легенду только что, потому что на вопрос сэра Хайрама надо было как-то ответить, а говорить правду было нельзя. Потому что эту правду может знать только тот, кто умеет читать книги, а не тупой и невежественный орк. А признаться, что умеешь читать... Проще ножом заколоться, не так болезненно.

Однако Никс милостива. Серый Суслик обогнал высокорожденных, и его не окликнули. Он поравнялся с Топорищем Пополам и сказал:

— Холм огибаем, дальше направление на высокую акацию, ее пока не видно.

Топорище Пополам молча кивнул. Оглядел Серого Суслика оценивающим взглядом и констатировал:

— Оклемался.

— Оклемался, — кивнул Серый Суслик. Помолчал и добавил: — Спасибо тебе.

— За что? — удивился Топорище Пополам.

— Что вразумил, — объяснил Серый Суслик.

Топорище Пополам безразлично махнул рукой, дескать, ерунда это, не стоит благодарности. А потом вдруг сказал:

— Ты, главное, слишком умным не будь. Будь умным в меру. Знаешь, что святой Петр по этому поводу говорил?

— Это святой Павел говорил, — уточнил Серый Суслик.

— Не будь слишком умным, — повторил Топорище Пополам. — Не забывай, ты — тупая скотина. Что бы ни случилось — не забывай. Так и повторяй про себя: тупая скотина, тупая скотина. Понял?

Произнеся эти слова, он отъехал в сторону и остановил лошадь, обозревая строй каравана. Серый Суслик проехал мимо.

Надо же, этот зверообразный, устрашающий полубосс — тоже полукровка! И как ловко маскируется! Раньше Серый Суслик считал себя отличным притворщиком, но только потому, что не был знаком с настоящим мастерством. Жаль, что Топорище Пополам не переживет сегодняшнюю ночь. Может, рассказать ему? Но тогда он расскажет всем остальным, и все будет зря. Как он там говорил... Не беги смерти, а стремись? Ну, стремись, воин. Когда мы

встретимся в чертогах Тора, я расскажу тебе, почему и зачем я так поступил. И ты признаешь, что у меня не было другого выхода.

Два Воробья покинул загон на рассвете. Он опасался, что какой-нибудь полубосс увидит его и заинтересуется, куда собрался мальчик в одиночестве в такую рань. Но Никс была милостива, его никто не заметил — все полубоссы были заняты сборами экспедиции, которую возглавлял отец высокорожденных.

Путь к Красному Ручью был недолгим, солнце прошло менее половины пути от рассвета до полудня, когда Два Воробья достиг трех черных роц. Он точно выполнил приказ — занял позицию, равноудаленную от всех трех роц, остановил лошадь и стал осматриваться. Он изо всех сил вглядывался в переплетения черных стволов, стеблей и листьев, шурился и прикладывал руку ко лбу, чтобы не слепило солнце, смотрел так, что заболели глаза, но так и не смог разглядеть ничего подозрительного. Единственное, что его удивило — в западной роце не каркали вороны. Но Серый Суслик ясно сказал, что надо вглядываться, а не вслушиваться, так что Два Воробья не придал птицам никакого значения.

Серый Суслик велел ждать полчаса, а потом скакать прочь, громко крича и часто оборачиваясь. Редкостно глупое задание. Если бы Два Воробья был не орком, а человеком, он, наверное, не стал бы его выполнять, потому что оно глупое. Но он орк, а орки выполняют приказы, не рассуждая. Редко — редко добрый господин позволяет орку рассуждать, но для этого орк должен или быть полубоссом, или владеть каким-нибудь особым навыком, например быть первым разведчиком стада. Возможно, Два Воробья в будущем тоже станет первым разведчиком, и тогда...

Мысль мальчика оборвалась на середине. Он вдруг понял, что видит что-то необычное и, кажется, опасное, но никак не может понять, что именно видит. Что-то не так, но... Вот оно! С юго — западной стороны высокая трава шевелится не в такт порывам ветра... И с северо — западной стороны тоже... Как будто кто-то незаметно подбирается к одинокому всаднику... Как будто?!

— Эльфы!! — заорал Два Воробья во всю глотку, ударил пятками в лошадиные бока и дернул повод, разворачивая лошадь.

Та заржала, поднялась на дыбы, в воздухе что-то свистнуло, и в следующее мгновение лошадь рванула с места в галоп. К счастью, она мчалась в правильном направлении — на восток.

Слева в траве что-то зашевелилось, Два Воробья посмотрел туда и впервые в жизни увидел эльфа. Высокий, стройный, светловолосый, пучеглазый и лопухий, он был одет в черную кожаную безрукавку, его красная рука раскручивала пращу. Вот она закончила последний оборот, камень отправился в полет, Два Воробья понял, что бросок точен, попрощался с жизнью...

Бросок был неточен, камень ударил в подпругу, разминувшись с ногой мальчика на считанные миллиметры. Удар камня не причинил вреда ни лошади, ни наезднику. Наоборот, он принес пользу — лошадь помчалась еще быстрее, хотя секунду назад казалось, что быстрее уже некуда. Два Воробья пригнулся, не для того, чтобы затруднить стрелку попадание, а просто чтобы удержаться в седле. Мальчик что-то кричал, сам не понимая, что именно он кричит. Каждую секунду он ожидал, что сзади загрохочет гранатомет или что под копытами лошади разорвется мина и прервет эту бешеную скачку. Он не знал, что такое гранатомет и что такое мина, он знал только одно — это очень страшно и безусловно

смертельно.

Но Никс была милостива и благосклонна. Эльфы не стали применять тяжелое оружие. Два Воробья вырвался из эльфийской западни невредимым.

Он вспомнил, что Серый Суслик велел ему часто оборачиваться, и обернулся. Он не увидел ничего, кроме голой степи и трех черных рощ, в памяти всплыло древнее слово, которым добрый господин Роджер Стентон называл черные рощи, — аборигенная растительность. Эльфов не было видно, можно подумать, что их там и не было, а ужасная пучеглазая морда просто привиделась испуганному мальчику.

Нет, не могла она привидеться! Поганая эльфийская харя так и стояла перед глазами мальчика, и неважно было, куда и на что он смотрел. С самого детства Два Воробья знал, что эльфов называют пучеглазыми, но он никогда не думал, что они *настолько* пучеглазы. Эти страшные белые буркалы вполлица — в них было что-то рыбье и одновременно разумное. Рыбий бесчувственный разум, ненависть, злоба и сожаление, что пища уходит. Хотя нет, не пища, эльфы человекообразных не едят.

В полдень Два Воробья достиг Лысой Горы. Он вспомнил, что не должен был путать свой след. Обернулся и увидел, что след виден ясно и отчетливо, не нужно быть следопытом, чтобы понять, что здесь недавно проехал одинокий всадник. В точности как приказывал Серый Суслик, но не потому, что Два Воробья правильно выполнил приказ, а потому, что Два Воробья забыл не только приказ учителя, но и вообще все, чему тот его учил. Но в итоге все получилось как надо. Не иначе Никс опять помогает.

Мальчик спешил, отпустил лошадь попасться, а сам стал обедать. Он не хотел есть, кусок не лез в горло, но учитель приказал обедать на Лысой Горе, и этот приказ нужно выполнить, не вдумываясь в то, с какой целью он отдан и зачем его следует выполнять. Два Воробья и так уже сделал много неправильного: мало кричал, редко оборачивался, лошадь пустил шагом не когда велел учитель, а гораздо позже.

Пообедав, Два Воробья продолжил свой путь на юго — восток, к Соловьиному Перелеску. Когда он оборачивался, он видел примятую траву, сбитые метелки, широко разлетевшуюся с них пыльцу и все прочие приметы, говорящие наметанному взгляду, что здесь проскакал всадник. Это соответствовало приказу учителя, а значит, было хорошо.

Два Воробья достиг Соловьиного Перелеска за три часа до заката. Теперь ему предстояло самое трудное — запутать след, проявив высокое искусство. Это было непросто, но Два Воробья справился. Только один человекообразный сможет теперь его найти — сам Серый Суслик. Потому что Два Воробья применил тайное знание, которым во всем подсолнечном мире владеют только два орка — Серый Суслик и его юный ученик.

Орк — проводник остановил лошадь, обернулся и стал кряхтеть и гримасничать, как всегда делал перед тем, как сказать что-нибудь сложное. Питер решил не ждать, пока бестолковая жаба облечет мысль в слова.

— Место для ночлега? — спросил Питер.

Орк облегченно кивнул.

— Для ночлега, — подтвердил он. — Здесь. Хорошее место.

— Не очень хорошее место, — подал голос Шон. — Низина, трава высокая, с одной стороны вода, с другой — каменные осыпи. И еще сто эльфов неподалеку шарятся.

— Вода, — сказал орк. — Вода последняя. Не будет больше. До Плохого Места воды не будет ничуть. Отсутствовать вода будет.

— Отсутствовать вода будет — это нехорошо, — задумчиво проговорил Питер.

Немного подумал и принял решение:

— Ночуем здесь. А чтобы эльфы не подкрались — будем наблюдать. До полуночи наблюдает Шон, затем Хайрам.

— Есть наблюдать, — буркнул Шон и полез за пазуху за очками.

Если бы в экспедиции не было очков, Питер не рискнул бы заночевать в таком месте. Шон прав — сто эльфов легко превратят этот лагерь в западню, из которой никому не вырваться живым. Но у путешественников есть очки, три пары, по одной на каждого высокорожденного.

«Очки» — это вульгарное название, в официальных документах эта штука называется «универсальный прибор наблюдения со встроенным биодетектором». Ценнейшая вещь, один из немногих артефактов второй эпохи, сохранивших свою силу после миллиона дней межвременья. Сейчас на весь Барнард приходится не более ста пар работающих очков, а в конце второй эпохи такую штуковину имел каждый воин, она входила в стандартный набор воинского снаряжения. Хорошо, что Питер сумел убедить его святейшество предоставить эти артефакты. Возможно, ночью они спасут жизни всем людям, оркам и лошадям. Впрочем, до этого вряд ли дойдет — эльфы не дураки, чтобы гнаться за двумя десятками конных человекообразных, их цель — загон.

— Ваше преосвященство! — позвал Шон. — Осмелюсь доложить, вижу нечто странное. Вон в тех черных кустах, там такое болотце маленькое чуть дальше...

Питер посмотрел в указанном направлении, вначале невооруженным взглядом. Ничего особенного, кусты как кусты. Обычная аборигенная растительность с черными листьями, растет у воды, во влажном грунте, как ей и положено. Никакого подозрительного шевеления, обычные кусты.

Питер надел очки. Краски стали тусклыми, а голова лошади, попавшая в поле зрения, засветилась изнутри красивыми переливчатыми разводами. Биодетектор работает, все в порядке. Питер перевел взгляд на далекие черные кусты и присвистнул.

— Когда первый эльф взгромоздится в седло, не простоять Барнарду и тысячи дней, — сказал Хайрам. — Не помните, святой отец, кто это сказал?

— Здравый смысл, — ответил Питер. — А кто из древних философов — не помню.

Может, обман зрения? Да какой там обман... Биодетектор не обманешь. Вот черные кусты, вот лошадь, а вот эльф. Лошадь пасется на черной траве, и нет ей никакого дела, что

она жрет органику с чужим генокодом. А эльф, кажется, дрыхнет. Хотя нет, не дрыхнет, пошевелился вот. Люди наблюдают за эльфом, а эльф наблюдает за людьми, вот только эльф не знает, что за ним тоже наблюдают. Пока не знает.

— Отставить пялиться, — скомандовал Питер. — Отворачиваемся и занимаемся своими делами. Шон, посматривай туда, но бегло и как бы невзначай. Не дай Минерва, догадается беложопый, что такое очки.

— Надо его брать, — сказал Шон. — Ускачет, и поминай, как звали.

— Орков всех положим, — сказал Хайрам. — Его в этих кустах без очков никак не разглядеть. А для него все орки как на ладони, перестреляет, как уток.

— А если подпалить? — предложил Шон.

Питер саркастически хмыкнул, но ничего не стал говорить. Вообще-то ему и хмыкать не стоило, на военном совете младшие говорят, а старшие молчат, чтобы не помешать креативности младших.

— Ага, подпалить, — сказал Хайрам. — Кусты у самой воды растут, так ты их и подпалишь. Перестреляет он всех.

— Значит, живым нам его не взять, — сказал Шон. — Святой отец, разрешите обратиться! Там, в большом опечатанном свертке, там ведь эльфийский гранатомет спрятан?

— Гранатомет, — подтвердил Питер. — Но граната термобарическая. Знаешь, что это такое?

— Знаю, — кивнул Шон. — Сам не видел, но читал. Плохо, что термобарическая. В лучшем случае два скелета найдем, эльфийский и лошадиный, да и то сомнительно. Никакой информации не получить.

— Знаете, что меня удивляет? — спросил Хайрам. — Что там вообще делает этот эльф? Кто он — разведчик, гонец, командир?

— Ну, уж никак не разведчик, — ответил ему Шон. — Что ему тут разведывать? Сколько ночей эльфийская армия в пути? Три ночи, самое меньшее. За это время конный разведчик уже давно обнаружил бы стадо Стентона. И вообще, откуда и куда он мог идти, если остановился на дневку именно здесь? На восток отсюда одна дорога ведет — в Плохое Место. Если верить карте, по обе стороны от нее сплошные осыпи, верхом не проехать. А если он вдоль ручья ехал, с севера на юг... а зачем?

— Значит, гонец, — сказал Хайрам. — На карте этого нет, там белое пятно, но я не исключаю, что если от Плохого Места ехать дальше на восток, за пару дней можно достичь Дырявых Гор. С водой могут быть проблемы, но могут и не быть. Если знать местность, родники...

— Вот — вот! — воскликнул Шон. — Он едет докладывать эльфийскому вождю, или как он там у них называется, что армия нашла большое стадо, будет знатная добыча и все такое.

— Не такое уж большое стадо у Стентона, — возразил Хайрам. — Стадо как стадо. Будь я вождем той армии, я бы не стал никому докладывать о такой ерунде. А тем более отправлять всадника. И вообще, зачем отправлять с армией *одного* всадника? Эльфы ведь не дураки, это не орки. Эльфы понимают, что такое конница, понимают, что один всадник в поле не воин. Допустим, некий эльфийский вождь узнал, что кто-то из его воинов научился держаться в седле и ухаживать за лошадью. Неужели этого эльфа сделают простым гонцом? Ни за что! Один конный эльф — ничто, а конная сотня — уже сила. А перед конной тысячей не устоит весь Барнард.

— Ну, не знаю, — сказал Шон. — Ваше преосвященство, позвольте осведомиться, вы сами что думаете?

— Я ничего не думаю, — сказал Питер. — Я уже подумал. И понял только одно.

Питер сделал многозначительную паузу.

— Что вы поняли, святой отец, разрешите узнать? — спросил Хайрам.

— Я понял, что ничего не понимаю, — сказал Питер. — Вы оба говорите правильные вещи, ваши аргументы разумны и уместны. Задача не имеет решения.

— Или мы его не видим, — уточнил Хайрам.

— Или не видим, — согласился Питер. — Знаете, что сделал Александр Великий, когда не смог понять, как развязать узел? Эй, дерево!

— Слушаю и повинуюсь, повелитель, — отозвался Топорище Пополам.

— Тащи сюда маленький опечатанный сверток, — приказал Питер.

Через пару минут он держал сверток в руках. Сломал печать, распутал веревки, развернул грубую холстину.

— Пистолет, — прокомментировал Шон.

— Скорее, пистолет — пулемет, — уточнил Хайрам.

Питер улыбнулся и сказал:

— Берите выше. Это бластер.

— Ого! — воскликнул Шон. — Я не знал, что такие артефакты еще сохранились.

— Ты до сих пор этого не знаешь, — сказал Питер. — Ты его не видел. Ты, Хайрам, тоже не видел.

Питер сдвинул предохранитель и поднял ствол на уровень глаз. В очках появился крестик прицела, он мелко подрагивал, отслеживая колебания ствола. Питер совместил крестик с едва различимым силуэтом лежащего эльфа, силуэт изменил цвет и перестал пульсировать — цель захвачена.

— Отец высокорожденных! — внезапно вскрикнул орк — проводник.

Питер вернул предохранитель в исходное положение и опустил бластер. Поднял очки на лоб и посмотрел на орка.

— Чего орешь, жаба? — спросил Питер.

Орк гримасничал и дергал руками, мучительно пытаясь родить какую-то длинную фразу.

— Быстрее, жаба, — сказал Питер. — Меня не радует смотреть на твои судороги.

— Черная трава, — начал говорить орк. — Лошадь ест. Лошадь обучается есть черную траву. Я умею. Научился я. Два Воробья умеет. Я научил. Ученик мой юный умеет. Лошадь его умеет, ученик не умеет черную траву есть, а лошадь умеет. Лошадь не боится черной травы. Если научить — не боится. Я умею учить.

— Не понял, — сказал Питер. — Ты хочешь сказать, что научил какую-то лошадь не бояться аборигенной растительности?

Орк быстро — быстро закивал.

— Да, научил, — сказал он. — Любую лошадь научил. Особая педагогическая методика, владею я ею. Инновация такая. Сам придумал.

Некоторое время Питер молчал и думал. А когда понял, в чем дело, расхохотался.

— Да ты, парень, не жаба, — сказал он, отсмеявшись. — Ты, парень, полукровка! Ловок ты, однако, придуриваться!

— Я не полукровка, — заявил орк. — Полукровка нельзя. Полукровку экстерминируют.

Меня экстерминировать нельзя.

— Во второй раз попалился, — констатировал Питер. — На самом деле в третий, но первый раз не считается, я его не сразу заметил. Ты не просто полукровка, а грамотный полукровка! Книги читать умеешь! Ты скрываешь свой разум не так, как обычные полукровки, а по — другому, умнее. Ты не просто тупую скотину изображаешь, а тупую скотину, которая сама себя считает очень умной. Вставляешь книжные слова в свои косноязычные речи, люди от этого веселятся и не принимают тебя всерьез. Но иногда ты забываешься и произносишь слова, которые нельзя услышать в устной речи, их можно узнать только из книг. Я даже догадываюсь, какую книгу ты читал. «История древних эпох», учебник для средней школы, правильно?

— Я ничего не читал! — воскликнул орк. — Повелитель высокорожденных, я не умею читать!

— Конечно, не умеешь, — сказал Питер, ласково улыбаясь. — Так мы тебе и поверили. Поклянись именем Никс.

— Чего? — переспросил орк.

— Поклянись именем Никс, — повторил Питер. — Что ты не полукровка и что неграмотен.

Дальнейшее произошло очень быстро. Орк сделал неуловимое движение рукой, в воздухе что-то промелькнуло, Топорище Пополам рванул лошадь вперед, взмахнул топором...

— Отставить! — заорал Питер во всю глотку. — Проводник мне нужен живым!

Топор опустился, проводник сдавленно охнул и выпал из седла. Питер с удивлением обнаружил, что держит перед собой бластер, уже снятый с предохранителя и направленный туда, где только что находилась голова полукровки, а теперь находится широкая спина Топорища Пополам. Хорошо, что на спусковую кнопку не успел нажать. Отец Иеремия, когда проводил инструктаж, особенно подчеркивал, что на короткой дистанции бластер опаснее для стрелка, чем для противника.

Питер опустил бластер и спросил:

— Дерево, ты оглохло?

Его голос звучал спокойно и рассудительно, так мог бы говорить Смерть, если бы он был не достоверно определенным мифическим персонажем, а реальным богом.

Топорище Пополам обернулся и быстро сказал:

— Никак нет, повелитель. Обухом в грудину, осмелюсь доложить, отец высокорожденных.

Лошадь, на которой только что сидел орк — проводник, опустила голову и стала пастись, показывая всем своим видом, что внутренние разборки человекообразных ее не интересуют. Питер увидел, что проводник лежит на боку и корчится, но крови на нем нет. Похоже, Топорище Пополам сказал правду.

— Хорошее дерево, — сказал Питер.

Обернулся, увидел Шона и вздрогнул. Правая щека рыцаря была взрезана до кости, лицо, руки и куртка были густо залиты кровью. Хайрам держал в руках индивидуальный перевязочный пакет и никак не мог решить, как его приладить к голове раненого, с какой стороны начать накладывать повязку.

— Дерево, помоги ему! — приказал Питер.

Спрыгнул с лошади, подошел к лежащему полукровке, обнажил меч. Полукровка перестал дергаться, сделал вид, что потерял сознание. Питер отступил на шаг и стал

говорить:

— Слушай внимательно, как тебя там... Суслик. Если хочешь жить дальше, ты ответишь на кое — какие вопросы. Не ответишь — будешь умирать долго и мучительно.

Орк открыл глаза и сказал:

— Мне все равно, как умирать. Смерть — лишь мгновение, а посмертия я не боюсь. Никс знает правду.

Он говорил легко и свободно, совсем не так, как раньше, когда изображал тупую жабу. Как настоящий человек. Да он и есть настоящий человек, понял вдруг Питер. Вряд ли в его жилах течет больше одной четверти орочьей крови.

— Зачем ты метнул нож в Шона? — спросил Питер.

Питер не рассчитывал получить ответ, но полукровка спокойно сказал:

— Он убил мою жену.

— Жену, — повторил Питер и хихикнул. — Распустились вы тут в Оркланде... погоди! Та танцовщица — ты с ней жил? У вас есть дети?

— Детей у нас нет, — сказал полукровка. — Шелковая Лоза была бесплодна.

— Жаль, — сказал Питер. — Значит, так, Суслик, слушай меня внимательно. И ты, дерево, тоже слушай, в свидетели тебя призываю, пока рыцари заняты. Я, дьякон Питер Пейн, клянусь именем Альберта Эйнштейна и именем Тины Минервы, и да ввергнут они мою душу в Нифльхейм, ежели я нарушу сию клятву. Клянусь я в следующем. Не казнить и не пытаться сего полукровка, что лежит предо мною, не причинять ему вреда, заботиться о нем и оберегать его, как если бы он был подчиненным мне рыцарем. Действует сия клятва до завершения экспедиции в Плохое Место, как бы сия экспедиция ни завершилась. Потом означенный полукровка будет отпущен живым и невредимым на все четыре стороны. Условия сей клятвы таковы. Первое. Означенный полукровка повинуется мне так, как если бы был подчиненным мне рыцарем. Второе. Означенный полукровка оказывает экспедиции всю возможную помощь словом и делом и не препятствует ее целям ни действием, ни бездействием. И честно отвечает на любые мои вопросы, ничего не скрывая. Третье. Означенный полукровка не причиняет вреда никому из участников экспедиции, включая оскорбленного его рыцаря Шона. Четвертое. Означенный полукровка приносит симметричную клятву немедленно. Таковы мои слова, и да будут они услышаны и восприняты вышеупомянутыми богами!

— Я свидетельствую, — сказал Топорище Пополам.

Лицо его выглядело удивленным, но не отупевшим, наоборот, на нем отражалась напряженная работа мысли.

«А может, мое дерево — тоже полукровка?» — подумал Питер и хихикнул, подивившись тому, насколько бредовые мысли иногда приходят в голову.

— У меня есть дополнительные условия, — сказал проводник. — Пятое. Когда экспедиция завершится, чем бы она ни завершилась, дьякон Питер Пейн будет удерживать рыцаря Шона от мести, пока полукровка Серый Суслик не покинет их поле зрения, и еще один час сверх того. При этом экспедиция должна завершиться не западнее этого места.

— Согласен, — сказал Питер.

— Шестое, — продолжал Серый Суслик. — Дьякон Питер Пейн выдаст означенному Серому Суслику похвальную грамоту, заверенную личной подписью и печатью. Немедленно выдаст.

Питер рассмеялся.

— Тебе палец в рот не клади, — сказал он. — Суслик, я восхищен твоей наглостью. Клянусь Минервой, если бы я мог смыть твои татуировки, я бы немедленно смыл их и взял тебя помощником!

— Так ты принимаешь мои условия, дьякон? — спросил Серый Суслик.

— Принимаю, — кивнул Питер. — Только называй меня впредь «святой отец» или «сэр Питер».

— Хорошо, сэр Питер, — сказал Серый Суслик.

Питер произнес дополнения к клятве, Топорище Пополам их засвидетельствовал. Затем Серый Суслик произнес свою клятву, очень четко произнес, ни разу не ошибся и не запутался. Топорище Пополам засвидетельствовал и эти слова. Питер достал блокнот, написал похвальную грамоту, заверил подписью и печатью, вырвал лист и вручил Серому Суслику. Покончив с этими делами, Питер обернулся и увидел, что Хайрам закончил перевязывать Шона и теперь рыцари наблюдают за происходящим. Рыцари были сильно удивлены и от этого казались глупыми, куда глупее, чем проводник — полукровка.

— Слышали? — обратился к ним Питер.

— Слышали, — ответил Хайрам.

Шон ничего не ответил, просто кивнул. Его глаза, выглядывавшие из щелей повязки, горели яростью и досадой.

— Шон, я не хочу, чтобы ты испортил мое посмертие, — сказал Питер. — Если ты не позволишь мне соблюсти клятву, я буду разочарован. *Очень* разочарован. Тебе понятно?

Шон кивнул еще раз.

— Вот и отлично, — сказал Питер.

Снова повернулся к Серому Суслику и спросил:

— Так, стало быть, в тех кустах прячется твой ученик?

— Да, — ответил Серый Суслик.

— А что он там делает, по — твоему? — спросил Питер.

Серый Суслик улыбнулся и сказал:

— Наводит эльфов на вашу экспедицию. Сами подумайте, сэр Питер, что я мог еще ему приказывать?

— Не «вашу экспедицию», а «нашу экспедицию», — поправил проводника Питер. — Ты теперь тоже ее участник. А ты уверен, что там твой ученик, а не эльф — разведчик?

— Уверен, — ответил Серый Суслик.

— Тогда садись на лошадь, скачи туда и приведи своего ученика ко мне, — приказал Питер. — А если поскачешь прочь — натравлю Шона. Понял?

— Так точно, — кивнул Серый Суслик. — Разрешите выполнять?

— Выполняй, — разрешил Питер.

Высокорожденные проводили его взглядом. Хайрам сказал:

— Святой отец, вы действительно будете соблюдать эту клятву?

Питер ответил:

— Я не собираюсь рисковать посмертием из-за какого-то несчастного полукровка.

Он не стал говорить рыцарю, что считает все клятвы пустым звуком. Боги, конечно, существуют как абстрактные сущности, ипостаси Великого Духа, но есть ли им дело до простых смертных — вопрос открытый. Последние исследования показывают, что гипотеза о том, что боги активно вмешиваются в дела человекообразных, несостоятельна с точностью до трех сигм. Но эти исследования засекречены, простым рыцарям незачем знать о них. И

тем более незачем им знать, что никакого посмертия, скорее всего, не существует.

— Я все равно его убью, — сказал Шон.

— Да поможет тебе Кали, — сказал Питер. — Но ты приступишь к этому не раньше, чем через час после того, как я объявлю о завершении экспедиции, а Серый Суслик скроется за горизонтом. До тех пор полукровка Серый Суслик — твой брат по оружию, относись к нему соответственно.

Шон негодуяще фыркнул и отвернулся. Питер не стал его ругать. Парень расстроен, взбешен и страдает от боли и унижения. Сейчас не самое лучшее время, чтобы вести с ним серьезные беседы.

— Я бы хотел поговорить с вами наедине, святой отец, — сказал Хайрам.

— Пойдем, поговорим, — сказал Питер.

Хайрам спешился, и они неспешно пошли в юго — восточном направлении, туда, где ровный луг постепенно переходил в каменистую осыпь.

— Начинай, Хайрам, — сказал Питер. — О чем ты хотел побеседовать?

— Мои слова могут показаться невежливыми, святой отец, — начал Хайрам. — Я понимаю, что не имею никаких прав спрашивать о мотивах поступков вашего преосвященства...

— Задавай вопросы, и я, возможно, отвечу, — сказал Питер. — Не по обязанности, а по доброй воле. Спрашивай, не стесняйся.

— Святой отец, — сказал Хайрам. — Иногда мне кажется, что вам нет никакого дела до писанных законов.

— Ты не прав, Хайрам, — сказал Питер. — Я чту все законы, как писанные, так и неписанные. По следующим причинам. Во — первых, большинство законов разумны, нормальному человеку незачем их нарушать. Во — вторых, нарушение закона чаще всего влечет за собой суровое наказание. Один мой друг любит говорить: «Не знаешь, как поступить — поступай по закону». Какой-то древний философ вроде бы так сказал.

— То есть вы допускаете для себя возможность преступить закон? — спросил Хайрам.

— Конечно, — кивнул Питер. — Если я уверен, что это будет правильно — преступлю, не задумываясь.

— Разве может преступление быть правильным? — удивился Хайрам. — Правильно — это и есть закон. Так по определению получается.

— Законы время от времени меняются, — сказал Питер. — Неправильное становится правильным, а правильное — неправильным. Тебе это не кажется странным?

Хайрам ничего не ответил, только пожал плечами.

— Я сам себе закон, — заявил Питер. — Я сам устанавливаю себе законы и правила. В основном они совпадают с законами и обычаями Барнарда, но кое в чем отличаются. А самый главный среди моих законов — закон здравого смысла. Он очень прост, он гласит: «Поступай разумно». Разберем для примера сегодняшнее происшествие. Допустим, я приказал бы убить этого проводника. Разумно ли это? Нет! Он бывал в Плохом Месте, он знает дорогу и все сюрпризы, которые могут ждать нас там. Он подходил вплотную к Плохому Месту, он видел, как оно убивает орков. Он окажет неоценимую помощь, особенно теперь, когда ему больше незачем притворяться дурачком, и он знает, что его судьба напрямую зависит от его старания.

— Но Шон...

— А что Шон? Шон — умелый воин, хороший рыцарь, талантливый и

многообещающий, но необузданный в желаниях и излишне жестокий. Шону пора понять, что сдержанность и скромность не только украшают человека, но и упрощают жизнь. Не зря сказано: «Не твори зло, если можешь не творить зло». Когда мы вернемся в Барнард, я заставлю Шона перечитать Откровение Шивы. Если он вообще его читал.

— Читал, — сказал Хайрам. — Оно входит в академическую программу Закона Божьего.

— Еще хуже, — сказал Питер. — Смотрит в книгу, видит фигу. Шон, как ни крути, нуждается в воспитании, и то, что я запретил ему мстить... Думаю, это скорее поможет, чем навредит.

— Вы называете это мстью, святой отец? — удивился Хайрам. — Разве можно мстить полукровкам? Я всегда считал, что низкорожденным не мстят, их наказывают.

— Насколько я понимаю, по крови Серый Суслик скорее человек, чем полукровка, — сказал Питер. — Об этом свидетельствуют его речь и поступки. Он мыслит как человек, планирует свои действия, предвидит последствия... Жаль, что орочью татуировку никак нельзя удалить.

— Иногда вы меня пугаете, святой отец, — сказал Хайрам.

— Такова моя работа, — сказал Питер и улыбнулся.

Хайрам немного помолчал и спросил:

— А то, что он пытался навести на нас эльфов? Вы и за это его простили?

— Думаю, он не пытался, а уже навел, — сказал Питер. — Такое существо, если что задумает — почти наверняка выполнит. Не тревожься, Хайрам, эльфы нам не страшны. Мне даже нравится, что придется с ними встретиться, я давно мечтал пострелять из бластера.

— Но он хотел убить нас руками эльфов! — воскликнул Хайрам. — Такие вещи нельзя прощать!

— Прощать можно все, — возразил Питер. — «Нельзя прощать» — слова слабого, сильному духом можно все. Я прощаю Серого Суслика, я не собираюсь ни мстить ему, ни наказывать. Знаешь почему?

— Почему? — спросил Хайрам.

— Потому что, будь я не высокорожденным дьяконом, а презираемым и гонимым полукровкой, я поступил бы точь — в-точь, как он.

Хайрам вздрогнул, его глаза осветились ужасом.

— Вы иногда такое говорите, святой отец, — пробормотал он. — Представить себя гонимым полукровкой...

— Не бойся думать о страшном, Хайрам, — посоветовал Питер. — Отринь запреты в собственных мыслях, и ты освободишь свой разум. Истинной силой духа наделяется только свободный разум, об этом не принято говорить, но это так. Подумай над моими словами, Хайрам.

— Я подумаю, святой отец, — сказал Хайрам, склонив голову. — Благодарю ваше преосвященство за полезную лекцию.

— Благодарность принимается, — улыбнулся Питер. — Изыди, благословенный. Хотя нет, погоди, вместе пойдем. Наш полукровка возвращается вместе с орчонком. Не соврал, засранец.

— Два Воробья, выходи! — крикнул Серый Суслик.

Два Воробья не знал, что ему делать. Вчера учитель ясно говорил, что мальчик не должен выходить из укрытия, что бы ни случилось. Но входит ли в это «что бы ни» то, что сам учитель лично отменяет собственный приказ? У воинов предыдущий приказ отменяется последующим, но Два Воробья не воин, а разведчик. Распространяются ли правила воинов на разведчиков? Два Воробья размышлял, а учитель продолжал кричать:

— Выходи, жабоголовый трус! Ты прячешься в этих кустах, я знаю!

Два Воробья принял решение. Свистнул особым образом, подзывая лошадь, и вышел на свет божий, ведя лошадь за уздечку. Свет заходящего солнца ударил в глаза и заставил прищуриться, так всегда бывает, когда выбираешься из полумрака эльфийских кущ на открытое место. А в Черном Лесу, говорят, вообще не бывает дня, там всегда темно, как ночью.

— Прости, учитель, — сказал Два Воробья. — Я плохо прячусь.

— Ты хорошо прячешься, — возразил Серый Суслик. — Мне не в чем тебя упрекнуть. Скажи, ты выполнил мой приказ?

— Не совсем, — смутился Два Воробья. — Я забыл, что надо кричать и оборачиваться. Я испугался. Я видел эльфа, он метнул камень в меня.

Серый Суслик вздрогнул. Внимательно осмотрел мальчика и спросил:

— Куда ты ранен?

— Никуда, — ответил Серый Суслик. — В подпругу камень угодил.

— Повезло, — сказал учитель. — Но след-то хороший оставил?

— Я забыл, — снова смутился Два Воробья. — Испугался. Я не оставлял хороший след, он сам такой получился.

Пока Два Воробья говорил все это, лицо учителя становилось все более грустным, но когда мальчик произнес последние слова, Серый Суслик рассмеялся.

— Ты меня так до мангала доведешь! — воскликнул он. — Ты молодец, Два Воробья, отличный разведчик, я тобой горжусь!

— Спасибо за похвалу, учитель, — сказал Два Воробья.

Они сели на лошадей и поехали к лагерю высокорожденных. Два Воробья заметил, что у рыцаря Шона забинтована голова.

— Что случилось с добрым господином Шоном? — спросил Два Воробья.

— Слизень он чернолесный, а не добрый господин, — ответил Серый Суслик. — Это я ему ножом засветил. Жаль, в горло не попал.

Два Воробья заглянул учителю в глаза, тот смотрел серьезно. Иногда учитель так странно шутит... Как человек...

— Я не шучу, так все и было, — сказал Серый Суслик. — Дьякон догадался, что я полукровка, я решил, что меня будут убивать, и попытался убить Шона за то, что он убил мою жену.

— Шелковая Лоза тебе не жена, — поправил Два Воробья учителя. — У нас, орков, жен не бывает.

И тут до него дошло.

— Ты полукровка?! — воскликнул он.

— Ага, — сказал учитель. — Скорее даже, тричетвертировка, если не больше. Мой отец был человеком, да и в матери человеческой крови, думаю, немало текло.

— Тебя убьют, — сказал Два Воробья и заплакал.

— Может быть, — учитель пожал плечами. — Но не сейчас. Дьякон поклялся именами двух богов, что не тронет меня до конца экспедиции, а потом отпустит на все четыре стороны. Видать, сильно я ему нужен. Знать бы только зачем...

Два Воробья перестал плакать и сказал:

— Отец высокорожденных Питер Пейн очень добр.

— Нет, — покачал головой учитель. — Питер Пейн — самый злой человекообразный из всех, кого я знаю. Но я ему зачем-то нужен. И поэтому он ко мне добр.

Эльфы явились ровно в полночь, во время смены караула. Шон в последний раз оглядел горизонт, не увидел ничего подозрительного и пошел будить Хайрама. Минуту — другую Хайрам зевал и потягивался, а когда окончательно проснулся, надел очки и воскликнул:

— Шон, ты ослеп?! Или у тебя очки сломались?

Эльфы спускались к ручью по склону холма. Они шли двумя колоннами, сзади следовала третья группа, совсем небольшая, очевидно, вождь со свитой. Они двигались совершенно бесшумно, не как человекообразные из плоти и крови, а как невидимые тени, призрачные и бесплотные. Без очков ни за что не разглядеть, тем более что небо затянуло облаками, темно — хоть глаз выколи. Впрочем, и при ярком звездном свете эльфов трудно заметить.

Хайрам разбудил святого отца, тот оглядел поле будущего боя, коротко и богохульно выругался (Хайрам вздрогнул от этих слов) и вытащил бластер. С вечера он держал оружие при себе, даже спал рядом с ним, обнимая древний артефакт, как женщину.

Первым побуждением Питера было немедленно открыть огонь. Какое прекрасное слово — открыть огонь! Снять все заслоны на пути смертоносного огня, открыть дорогу магическим молниям, обрушить на богомерзких выползней Черного Леса всю мощь гнева Шивы и Кали, многопрославленных божественных супругов. Увидеть, наконец, своими глазами, что такое стреляющий бластер. Ну, то есть не совсем стреляющий, это неправильное слово, он не мечет стрелы, как арбалет, его более правильно называть огнеметающим оружием. Питер никогда не применял это оружие, даже на полигоне, потому что каждый выстрел стоит... Да несколько он не стоит! Понятие «цена» к таким артефактам неприменимо, они бесценны. Только ради великой цели оправдано расходовать силу древних, и Плохое Место — одна из немногих достаточно великих целей. Возможно, последняя во всем Барнарде.

— Хайрам, Шон, внимание, — прошептал Питер. — У кого из вас был опыт полевых сражений?

— У меня был, — ответил Хайрам.

— У меня тоже был, — ответил Шон.

— Как думаешь, Хайрам, что эльфы будут сейчас делать? — спросил Питер.

— Войдут в ручей, — ответил Хайрам. — Одна колонна просочится мимо нас к осыпям, развернется в цепь, вторая развернется в цепь прямо вдоль ручья, с ними будет гранатометчик. Потом запустят гранату, а когда орки проснутся и начнут метаться — станут забрасывать их камнями из пращей, пока всех не перебьют. Потом зачистка.

— Логично, — сказал Питер. — Стало быть, наилучший момент уже настал. Отвернитесь, зажмурьтесь и закройте глаза руками.

— А как же вы, святой отец? — спросил Шон.

— Как-нибудь так, — ответил Питер. — Сам подумай, как я могу закрыть глаза, когда целюсь?

Он поднял бластер, снял с предохранителя, направил ствол на первую колонну, поколебался и перевел прицел на вторую. Первая колонна вплотную приблизилась к ручью, строй смешался, эльфы постепенно сбивались в кучу, лучшей цели не придумаешь. Но гранатомет, если верить Хайраму, должен быть во второй колонне. Скорее всего, в таком

большом подразделении гранатомет не один, но во второй колонне он точно есть, а в первой — это на усмотрение Тины Минервы. Поэтому лучше стрелять по второй колонне, а точнее, по гранатометчику.

Ага, вот он, гранатометчик! Крупный кряжистый эльф с массивным бревном за спиной никем другим быть не может. Интересно, очки сумеют захватить неживую цель? Сумели! Ну, да помогут нам Иегова Создатель, Шива Разрушитель, Тина Минерва, Кали Разгневанная, Тор Погонщик Козлов, Ктулху Неспящий и все прочие боги, на вас уповаю, не подведите, боги, пожалуйста.

Питер нажал на спусковую кнопку. Бластер дернулся, подпрыгнул и выплюнул пульку, издав невнятный хлюпающий звук. Долю секунды ничего не происходило, а затем...

Питер понял две вещи. Он успел бы зажмуриться, пока летит пулька. Но не успел. Глаза залило ослепительным фиолетовым светом, он был настолько ярким, что воспринимался не как свет, а как боль. Зрение отказало мгновенно. Это не было беспросветной тьмой, в какую обычно погружены слепые, Питер что-то видел, но оно не имело никакого отношения к действительности. Непонятные разводы, и больше ничего.

Никто не увидел, как миниатюрная пулька, изготовленная из неведомого вещества по неведомой технологии, ударила точно в торец эльфийского гранатомета, в крышку, под которой пряталась граната. Никто не увидел, как чудовищный электрический разряд за считанные микросекунды вздыбил белые волосы на голове эльфийского воина и спалил их дотла прямо на корню. Как одноразовая пластиковая труба гранатомета рассыпалась каплями и как все эти капли обратились в пар, не достигнув земли. Как огонь неведомой природы, повинувшись давно забытым законам, примерно за двадцать миллисекунд превратил здоровое и сильное эльфийское тело в нечто среднее между бурым углем и прогоревшим сланцем. Как вспыхнули травяные метелки, как прынул во все стороны огненный диск лугового пожара. Как мгновенно раскалившийся воздух изbleвал сам себя ударной волной. Как покачнулись от нее боевые товарищи несчастного эльфа, который уже несколько миллисекунд был мертв. Покачнулись, но не упали, они не успели упасть, потому что граната, лишившаяся пластиковой оболочки, сдетонировала.

Эта граната не должна была быть термобарической. Капитан Джанлуиджи приказал сержанту Сванетти взять в бой трубу, заряженную осколочной гранатой, и сержант до последнего был уверен, что правильно выполнил приказ. Но он ошибся. В обычных условиях эта ошибка стоила бы ему десятка плетей, но сейчас она унесла жизни половины батальона.

Детонатор сработал, ему было все равно, откуда пришла искра — из встроенного пьезокристалла или из окружающего пространства, которое все стало одной большой искрой. Молекулы тринитротолуола одна за другой рассыпались на более мелкие молекулы нитротолуола, кристаллическая решетка перестала существовать, твердое тело обратилось в газ, спрессованный чудовищным давлением. Оболочка гранаты разрушилась, простые органические молекулы брызнули во все стороны, жадно поглощая энергию. Они достигли точки горения почти одновременно.

Ослепительный фиолетовый бутон распустился оранжевым цветком, куда менее ослепительным, но куда более смертоносным. В воздухе не осталось кислорода, его молекулы превратились кто в водяной пар, а кто в углекислый газ. Огненный смерч умертвил все живое в радиусе двадцати метров, зеленая трава рассыпалась серым пеплом, а чернозем стал сухой стекловидной коркой. Посреди заливного луга возникла проплешина в форме неправильного эллипса, по ее периметру пылала трава, языки пламени устремлялись к

черному небу, но их никто не видел, потому что сохранившие зрение еще не успели открыть глаза, все произошло слишком быстро.

— Ничего не вижу, — сказал Хайрам. — Даже в очках ничего не могу разобрать.

Противоположный берег ручья превратился в ад, но не тот, где правит Калона, а тот, о котором проповедовал Джизес Крайст. Огненное кольцо, внутри которого царит даже не смерть, а полное опустошение, разрушение всего. А вокруг ослепленно суетятся призрачные фигурки, так похожие на дьяволов с древних икон... Как бы не разбежались...

— Стреляйте, святой отец! — крикнул Хайрам. — Убегают же!

— Не вижу ничего! — рявкнул Питер.

— Дайте бластер!

— Нет!

Питер быстро спрятал оружие под плащ.

— Нет! — повторил Питер. — Пусть разбегаются.

Жрец — пилигрим третьего уровня выглядел потрясенным и растерянным. Можно было даже подумать, что ему стало жалко богомерзких беложопых ублюдков. Честно говоря, Хайраму их тоже было немного жалко, *такой* смерти они не заслужили, какими бы ни были их преступления, прошлые и будущие.

— Они вернутся, — сказал Шон. — Будь я Самым Добрым Господином всего Эльфланда, я бы за это оружие отдал тысячу жизней, не колеблясь.

— Это точно, ты бы отдал, — зло сказал Питер. — Жизни-то не твои.

— Вы так говорите, святой отец... — произнес Шон и осекся, не закончив мысль.

— Я сам решаю, как мне говорить, — отрезал Питер. — А ты заткнись. Хайрам, принимай командование. Ничего не вижу, совсем ничего...

Эльфы пришли в полночь. Они рассчитывали скрытно подобраться к лагерю, и они сделали бы это, не будь у высокорожденных древних артефактов, называемых странным словом «очки». Бой был скоротечным, он закончился быстрее, чем Серый Суслик успел вскочить на ноги и продрать глаза. Вот земля мягко толкает его в бок, вот доносятся гулкие раскаты грома, вот Серый Суслик глядит на другой берег ручья, видит там неправильную округлость, образованную пылающей травой, и все. Слышно, как ругаются высокорожденные — Шон требует, чтобы дьякон ему тоже разрешил пострелять, дьякон злобно отругивается. Похоже, он до глубины души потрясен мощностью оружия, которое только что держал в руках. Если, конечно, есть у него душа...

Потом началась бестолковая суэта. Орки наконец сообразили, что чуть было не произошло, и заголосили, и загомонили, дьякон позвал Топорище Пополам, которого он почему-то все время называет деревом, и повелел навести порядок. А потом повелел могучему орку (на самом деле полукровке, но этого никто не знает) ложиться спать не где попало, а бок о бок с отцом высокорожденных. Сэр Питер не объяснял, чем обусловлен этот приказ, но Серый Суслик сам все понял из обрывков услышанных разговоров. Выстрел бластера, оказывается, сопровождается ослепительной вспышкой, вот дьякон и ослеп. А теперь он опасается, что Шон забудет присягу и сотворит что-нибудь необдуманное. А Шон может сотворить необдуманное, он по жизни злой и неумный, а сейчас вообще взбешен. И его можно понять — вначале орк — полукровка располосовал ему щеку ножом, а командир отряда запретил мстить, а теперь командир доверил командование отрядом другому. Не попусти Никс, чтобы дьякон насовсем ослеп. Очень прошу тебя, Никс Милосердная, не попусти, на тебя уповаю. Он хоть и мерзавец невероятный, но не пришло еще время расплаты, умоляю тебя, Никс, не пришло еще время.

Наутро выяснилось, что Никс услышала молитву Серого Суслика. К дьякону вернулось зрение. Он снова принял командование и первым делом направил орков — воинов на другой берег, обследовать поле боя. Серый Суслик тоже попросился с ними, но дьякон не позволил.

Орки нашли на другом берегу четыре исправных гранатомета и два десятка обгорелых эльфийских трупов. Впрочем, это число было приблизительным и сильно заниженным, похоже, многие эльфы сгорели дотла. Серый Суслик изучил следы и пришел к выводу, что огонь уничтожил не меньше половины эльфийской армии. Но вождь ушел — никакого металла на поле боя не обнаружилось, а вожди — сотники без кольчуги в походы не ходят.

— Вернутся твари в силах великих, — пробормотал Шон.

Похоже, он цитировал какое-то древнее пророчество.

— Не каркай, — сказал ему дьякон.

Они выступили в поход через три часа после восхода. Поздновато, но сейчас это несущественно. Среда — день длинный, вскоре после полудня экспедиция будет уже на месте.

— Опаньки, — сказал вдруг Хайрам.

Питер машинально сунул руку под плащ, прикоснулся к шершавой рукояти бластера, опомнился и вытащил руку обратно. При опасности надо не за бластер хвататься, а за меч или за лук. Потому что бластер — не оружие, а страх божий. Ночью Питер еще не вполне понимал это, а теперь понял окончательно — бластером скорее сам себя убьешь, чем врага.

Перед тем как на кнопку нажимать, десять раз подумать надо. Именно так написано в древней книге со старомодным названием «Наставление по стрельбе из личного оружия». Но одно дело прочесть умные слова в умной книге, и совсем другое — осознать то же самое на собственном опыте.

— Что такое? — спросил Питер.

Ничего опасного вроде не наблюдалось.

— Вот, — Хайрам показал пальцем вправо и вниз.

— Это Чаша Гефеста, — пояснил Серый Суслик. — О ее происхождении повествует длинная история с неожиданным концом. Однажды Гефест Громовержец...

— Потом расскажешь, — прервал его Питер. — Хайрам, что тебя удивило?

— Текстура поверхности, — сказал Хайрам. — В центре того выжженного круга был такой как бы диск в два шага диаметром, там земля спеклась в стекловидную корку.

— Опаньки, — сказал Питер.

Остановил лошадь, спешился, сошел с тропы, осторожно переступил через зазубренный край Чаши, присел на корточки...

— Не то, — сказал он. — Похоже, но не то. Тот камень был гладким, как стекло, а здесь он шершавый и весь в трещинах.

— Время, — сказал Хайрам.

— Что «время»? — переспросил Питер.

И тут до него дошло.

Он окинул Чашу изумленным взглядом. До противоположного конца не менее пятисот шагов. Это ж какой силы бластер сюда ударил...

— Небесный огонь, — сказал Шон. — Звезда Полярная.

— Похоже на то, — кивнул Питер. — Никогда не думал, что Звезда Полярная — это пулька от бластера.

— Вряд ли это бластер был, — заметил Хайрам. — Чаша образует ровный круг. Значит, стреляли точно сверху, с неба.

— Есть такое слово «орбита», — сказал Питер.

— Гм... Да, есть такое слово, — пробормотал Хайрам. — Орбитальный бластер? Так он же...

— Он все еще существует, — сказал Питер. — Нарезает круги по своей орбите, что ему сделается? Там, в космических небесах, нет времени.

Внезапно в разговор вступил Серый Суслик.

— Здесь, в осыпях, много таких чаш, — сказал он. — Только другие гораздо меньше, Чаша Гефеста — самая большая. А вокруг Плохого Места вся земля перерыта, верхом не проехать, там, говорят, Мать Гея болела оспой...

— Избавь нас от орочьих сказок, — прервал его Питер. — Раз считаешь себя человеком, веди себя как человек, а не как глупая скотина. Гефест Громовержец, Мать Гея... тьфу на тебя! Не было здесь во вторую эпоху богов, ничего здесь не было, кроме загородного дворца сэра Джулиуса Каэссара.

Рыцари никак не прореагировали на эти слова — Питер проинструктировал их еще вчера. А Серый Суслик выпучил глаза и разинул рот.

— Тот самый Каэссар? — переспросил он с каким-то странным благоговением. — Резвый Индюк? Первый и единственный сын Джизеса?

— Не мели чепухи, — оборвал его Питер. — Каэссар жил на два миллиона дней позже

Крайста. Крайст — пророк первой эпохи, а Каэссар жил в самом конце второй. Как раз его гибелью вторая эпоха и закончилась. Каэссара убили, пришел бэпэ, а вслед за ним — миллион дней межвременья. Каэссар поехал на переговоры, и его предательски убил Красс. Знаешь, кто такой Красс? Прочел в том учебнике?

— Красс Содомит — первый из племени богомерзких эльфов, — сказал Серый Суслик.

Питер знал, что эта формулировка неточна, но не стал поправлять. В первом приближении сгодится.

— Вот именно, — сказал Питер. — Красс заколол законного вождя ножом в сердце, как свинью. Потом узурпатор пришел к дворцу Каэссара, но не нашел там ничего, кроме силового поля. Красс пробовал все, вплоть до орбитальной бомбардировки, но поле устояло.

— А зачем мы идем туда? — спросил Серый Суслик. — Если поле тогда устояло, то теперь тем более устоит. Вашим бластером Чашу Гефеста не выжечь.

— У нас есть кое-что, чего не было у Красса, — сказал Питер. — Миллион дней позади. Видишь ли, силовое поле со временем слабеет. У нас есть шанс войти внутрь.

— И что мы там найдем? — спросил Серый Суслик.

— Все, что угодно, — ответил Питер. — Я стараюсь даже не думать, что именно мы можем там найти. Чтобы не сглазить.

Глава 3

Плохое Место

Экспедиция достигла цели незадолго до полудня. К этому времени невысокие, но крутые скалы, ранее вздымавшиеся слева и справа, расступились и сгладились, путешественники снова двигались по слегка всхолмленной равнине. Тут и там попадались характерные круглые воронки, вырытые орбитальными бластерами миллион дней тому назад. На горизонте показались вершины Дырявых Гор, отсюда они выглядели крошечными и будто нарисованными, трудно было поверить, что, глядя на них, видишь границу ужасного Чернолесья. Даже немного боязно смотреть туда — сразу представляется беложопый и краснорукий лопухий эльф, который точно так же смотрит своими пучеглазыми буркалами на бескрайнюю равнину и... Ничего он не видит, конечно, с такого расстояния, но все равно боязно.

Питер поднял голову, оценил положение солнца и сказал:

— Эй, Суслик! Долго нам еще ехать?

— Почти приехали, — отозвался Серый Суслик. — Вон оно, Плохое Место, там, впереди и чуть слева.

— Вон те битые камни, что ли? — спросил Питер после минутной паузы. — На руины похоже.

— Нет, — ответил Серый Суслик. — Я не знаю, что это за камни. Может, руины, а может, просто так навалило. Может, вода принесла.

Шон саркастически хмыкнул, дескать, совсем сдурел жабоголовый. Серый Суслик пояснил, специально для него:

— Когда дожди идут, этот ручей сильно разливается, вода почти до самого Плохого Места доходит.

— Да где оно, твое Плохое Место?! — возмутился Питер. — Ты мне мозги не парь, не можешь словами объяснить — пальцем покажи!

— Да вон оно, — Серый Суслик показал пальцем. — Прямо перед камнями, правее, как склон заканчивается, так сразу оно начинается. Только его в первый раз очень трудно разглядеть, нужно долго приглядываться.

— Ого! — воскликнул вдруг Хайрам. — Нехилое сооружение.

— Пятьсот шагов по окружности, — сказал Серый Суслик. — На самом деле чуть меньше, я не вплотную подходил, когда измерял.

— Все равно ничего не вижу, — сказал Питер.

— Да вот же, марево такое справа от камней! — воскликнул Хайрам. — Кажется, будто небо в одном месте грязное.

— Опаньки, — сказал Питер.

Он увидел Плохое Место.

Это был невероятный и сверхъестественный призрачный купол, очень большой, примерно сто пятьдесят шагов в диаметре. Насколько мог судить Питер, его форма была идеально полусферической. Он вздымался высоко в небо, а не видно его было потому, что его окраска была маскировочной, как у мифического животного хамелеона. В нижней части расцветка купола состояла из хаотичных пятен, полос и загогулин — серых, зеленых и коричневых. Примерно на четверти высоты к этим цветам добавился голубой, а начиная с половины высоты, он преобладал. Если специально не приглядываться — пройдешь мимо и

ничего не увидишь.

— Дерево, разбивай лагерь! — приказал Питер. — Хайрам, Шон, Суслик остаются со мной. Посмотрим поближе, что это за чудо. Суслик, как близко к нему можно подходить?

— Не знаю, — ответил Суслик. — Мне уже здесь страшно.

Шон издевательски фыркнул, но ничего не сказал.

В ста шагах от силового поля Питер спешился, прошел еще пятьдесят шагов и остановился. Он не чувствовал явной опасности, но идти дальше было страшно. Много нехорошего написано в архивных документах о силовом поле. Никаких подробностей там не приводится, но общий смысл понятен — не подходить, не трогать, не пытаться преодолеть, а то будет плохо. А как именно будет плохо — не говорится. Серый Суслик вообще какой-то бред рассказывал...

— Эй, Суслик! — позвал Питер. — Иди сюда!

Серый Суслик слез с лошади и подошел к лидеру экспедиции. Питер сказал ему:

— Помнится, ты говорил, что один орк дотронулся до этого поля и стал плоским, и ты это видел своими глазами. Повтори эту историю еще раз, но не так, как тогда, а нормальными словами, без закосов под дурачка.

— Да я и тогда нормально все рассказал, — произнес Серый Суслик. — Что видел, то и рассказал. Был у меня ученик, Звезда Свиной его звали, хороший следопыт был, лучше, чем Два Воробья, но слишком отчаянный. В тот раз он захотел сквозь пелену пройти, навалился всей силой, она аж прогибаться стала. Пыжился, пыжился, ничего не получалось, я ему говорю: «Пойдем отсюда», а он говорит: «Сейчас попробую с разбегу, если не получится, то пойдем». Ну и попробовал.

— И как? — спросил Питер. — Пробил поле?

— Что-то вроде того, — кивнул Серый Суслик. — Не то чтобы пробил, скорее, внутрь провалился, прямо в толщу пелены. Опутало его и сдавило со страшной силой, он весь плоский стал, как будто на земле нарисованный. А потом выбросило его наружу, кровяца так и брызнула, все вокруг залило. А тело так и осталось плоским, я его потом в рулон скатал, к седлу приторочил, так и привез в загон. В пищу оно не годилось.

— Что-то не пойму, — сказал Питер. — Ты говоришь, тело стало плоским. А кости как?

— Кости в мелкую труху размолото, — пояснил Серый Суслик. — Давление жуткое.

Питер нервно передернул плечами. Вгляделся в мутное марево силового поля, и ему померещилось, что там, внутри, угадывается какая-то оформленная структура.

— Так, говоришь, к этому мареву можно подойти вплотную и ничего не будет? — спросил Питер.

— Я так не говорил, — сказал Серый Суслик. — Я к нему вплотную подходить не собираюсь, мне и здесь страшно.

— Что тебе страшно — я уже понял, — сказал Питер. — Странное ты существо, Суслик. На высокорожденного руку поднимать было не страшно, а теперь страшно.

— Тогда я с жизнью уже попрощался, — сказал Серый Суслик.

Его голос звучал так, как будто Питер не знает всем известных вещей, и Серому Суслику даже как-то неловко объяснять их уважаемому человеку.

Питер не стал комментировать заявление полукровки, а пошел вперед.

— Святой отец! — донесся сзади крик Хайрама. — Куда вы, святой отец?

Питер махнул рукой, дескать, я знаю, что делаю, заткнись. Сделал еще три шага и почувствовал в воздухе какое-то неясное... нет, не дуновение и не запах, а что-то другое.

Похожее ощущение бывает перед грозой, но не такое.

Питеру стало страшно. Умом он понимал, что большой опасности нет, что этот самый Звезда Свиней стал плоским не сразу, не от первого прикосновения к границе поля, что до этого он долбился в эту границу руками и ногами со всей дури, и ничего с ним не случилось, пока с разбегу не попробовал. Но одно дело понимать умом, и другое — чувствовать сердцем. Сердце Питера упорно не желало верить в то, что здесь безопасно. Оно билось заметно быстрее, чем обычно. Помолиться, что ли, или помедитировать...

— Эй, Суслик! — позвал Питер. — Ты видел, что там внутри?

— Видел, — ответил Серый Суслик. — Там внутри балаган большой. Это, наверное, и есть дворец Каэссара.

Питер рассмеялся. Признав свое происхождение, Серый Суслик избавился от дурацкой манеры общения, но не от невежества. Балаган... Ну да, для дикого орка балаган пастуха Стентона — самое грандиозное и прекрасное сооружение во всей Вселенной. Видел бы он дворцы Барнард — Сити...

Однако дворец Каэссара больше походил на балаган пастуха орков, чем на нормальный дворец. Квадратное двухэтажное здание, сторона квадрата — шагов двадцать, рядом какой-то сарай, и все. Особенности архитектуры сквозь марево не разглядеть, но похоже, что архитектура предельно функциональная, без всяких украшений, как будто этот дом принадлежал не величайшему вождю второй эпохи, а обычному простолюдину. Может, архивы врут? Нет, исключено. Во вторую эпоху простолюдинам жилось куда вольготнее, чем сейчас, но окружать свои дома силовыми полями было дозволено только величайшим из великих. И кому могло понадобиться подвергать дом простолюдина такому обстрелу? За сегодняшний день Питер насчитал не менее пятидесяти воронок от бластера, и сколько он еще не заметил...

Питер потряс головой, отгоняя никчемные мысли. Мысли — это хорошо, но не следует забывать и о делах. Если все пойдет по плану, еще до заката он рассмотрит дворец Каэссара во всех подробностях. А если снять поле не удастся — кого будет интересовать, как выглядит этот дворец?

— Суслик! — позвал Питер. — Иди сюда!

Серый Суслик приблизился. Он шел медленно и опасливо, замирая перед каждым очередным шагом.

— Иди ближе, не бойся! — сказал Питер. — Поздно уже бояться. Помнишь, ты про форсунки говорил? Ну, про пеньки изогнутые. Где они?

— У самой границы марева, — ответил Серый Суслик. — Надо вплотную подойти, а то их в траве не видно.

— Так подойди, — сказал Питер. — Хотя нет, погоди... Кто у нас самый бесполезный в экспедиции... Эй, Хайрам! Озадачь полубосса, пусть приведет ко мне того орчонка, который на нас эльфов навел! И побыстрее!

Серый Суслик вздрогнул и сказал:

— Два Воробья — мой ученик. Он мне как сын.

— Мне нет дела до ваших отношений, — сказал Питер. — И вообще... Я простил твои преступления, но это не значит, что мы с тобой теперь друзья.

— Отец высокорожденных, вы поклялись... — начал говорить Серый Суслик, но Питер его тут же перебил.

— Я чту клятву, данную богам, — сказал Питер. — Но про орчонка в той клятве не было

ни слова. Не забывай, Суслик, здесь командую я. До тех пор пока экспедиция не завершится, я, и только я, решаю, что кому делать. И не забывай, что ты поклялся беспрекословно подчиняться мне. До конца экспедиции ты мой раб.

— В вашей клятве говорилось не «раб», а «рыцарь», — сказал Серый Суслик.

Питер засмеялся и сказал:

— Это одно и то же.

Тем временем Топорище Пополам привел орчонка. Мальчишка был сильно напуган, аж весь трясся от страха.

— Ко мне, бегом! — приказал ему Питер. — Идешь к границе марева, ищешь в траве такой пенек... Суслик, объясни ему, что искать.

— Лучше я сам поищу, — сказал Серый Суслик.

Рука Питера сама потянулась к мечу. Питер глубоко вдохнул, медленно выдохнул и сказал:

— Ты не понимаешь моих слов. Еще раз повторяю: я и только я решаю, что кому делать. Еще раз не подчинишься — отдам тебя Шону.

— А почему вы меня сразу не отдали Шону? — огрызнулся Серый Суслик. — Я вам зачем-то нужен. А раз я вам нужен...

— Эй, Шон! — крикнул Питер.

Серый Суслик вздрогнул и как-то весь сгорбился.

— Что, святой отец? — отозвался Шон.

Питер ничего не отвечал, он пристально смотрел на Серого Суслика и молчал.

— Ну ладно, — сказал Серый Суслик. — Два Воробья, подойди к границе марева и поищи в траве такой как бы пенек, высокий, тонкий и слегка изогнутый. Их там много, они через каждые пять шагов натыканы.

— Шон, отбой! — крикнул Питер. — Занимайся своими делами.

Мальчик нашел пенек очень быстро, это заняло меньше времени, чем предшествующие препирательства. Пока орчонок копошился в траве, он дважды задел силовое поле, и ничего не произошло, оба раза поле мягко оттолкнуло его, и все. Похоже, поле и вправду безопасно, если не врезаться в него с разбегу.

— Отойди, — приказал Питер мальчишке.

Встал на его место, присел на корточки, протянул руки, чтобы пощупать загадочный пенек, и вдруг понял, что руки упираются в границу поля. Испуганно отпрянул и сел с размаху на задницу. Серый Суслик хихикнул. Питер сделал вид, что не заметил этого.

— Значит, форсунки внутри поля, — задумчиво произнес Питер, вставая. — Ну да, этого следовало ожидать. Будь они снаружи, поле давно бы уже вскрыли, в первые дни межвременья желающих было много. Странно, я не подумал, что форсунки будут внутри. Ну да, а как они вообще могут быть снаружи? Генератор-то внутри стоит...

Питер понял, что разработанный им хитроумный план целиком и полностью идет к адским демонам — оборотням. Скорее всего, проникнуть внутрь силового кокона так и не удастся, экспедиция закончится неудачей, и тогда... Нет, думать о плохом пока еще рано. Тот погибший орк сумел-таки пробить внешний слой поля, а значит...

— Работаем по плану, — сказал Питер. — Все назад! Хотя нет, отставить! Орчонок, стой, где стоишь. Суслик, сходи в лагерь, попроси у полубосса какую-нибудь яркую тряпку, все равно какую, скажешь, я велел. И побыстрее!

[Купить полную версию книги](#)